

ГЛАВА III.

В. И. ЛЕНИН И Г. В. ПЛЕХАНОВ. О МЕСТЕ И РОЛИ ПЛЕХАНОВА В РАЗВИТИИ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ

Как в 20-е годы, так и позднее советская критика, отрицавшая наследство Плеханова, основывалась на тезисе о враждебности его теоретических позиций духу революционного марксизма и обычно поэтому широко пользовалась приемом противопоставления почти каждого из плехановских теоретических положений взглядам В. И. Ленина, а порой также взглядом К. Маркса и Ф. Энгельса. В целом дело представляется ею так, будто воззрения Плеханова вообще находятся по ту сторону марксистского учения и представляются его антиподом. Несостоятельность такого взгляда в наше время становится совершенно очевидной. Между тем, прием противопоставления плехановских и ленинских теоретических положений все еще остается весьма живучим в нашей исследовательской литературе.

Достаточно привести здесь хотя бы один пример со статьями Ленина и Плеханова о Л. Толстом. И сейчас остается своего рода модой противопоставление с ходу статей В. И. Ленина о Толстом статьям Плеханова, как только заходит речь о ленинской оценке творчества и учения великого писателя. Слов нет, разница их концепций оценки Толстого настолько значительна, что любая попытка замолчать ее способна привести к порочной и недопустимой путанице. Однако весь вопрос тут в том, в чем и до каких пределов простирается эта разница, можно ли рассматривать ленинскую и плехановскую концепции лишь с точки зрения их противоположности и не замечать в них точек соприкосновения? Что касается самого В. И. Ленина, то он не дает повода для одностороннего противопоставления своего и плехановского отношения к Толстому. Вспомним известное письмо В. И. Ленина к М. Горькому от 3 января 1911 г., которое убедительно свидетельствует об этом.

«Насчет Толстого,— говорит здесь В. И. Ленин,— вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись».¹ Конечно, было бы совершенно неправомерно принимать ленинские слова «и мы тут сошлись» (курсив мой.— В. А.) за выражение полного совпадения взглядов Ленина и Плеханова на противоречивые особенности творчества Л. Н. Толстого. Но, с другой стороны, эти слова показывают, как недостаточен прием голого противопоставления ленинской и плехановской точек зрения. К голому противопоставлению нельзя сводить взгляды Ленина и Плеханова и по очень многим другим теоретическим (особенно по философским и литературно-эстетическим) проблемам.

Там, где возникает потребность отделить здоровые ткани от пораженных недугом клеток организма, топор оказывается не вполне подходящим орудием для проведения операции. Здесь требуется более тонкий и точный инструмент, позволяющий бережно отнестись к здоровым частям тела и бережно сохранить их. Научную критику теоретического наследства Плеханова вполне можно уподобить такого рода тщательной и бережливой операции.

Его труды, конечно же, не свободны от тяжелых наслоений, от врастания в здоровые их ткани «пораженных» серьезным недугом клеток. И здоровые начала в них нуждаются в последовательном и четком отделении от инородных элементов. Но нельзя ни на минуту забывать при этом, что лучшая часть, составляющая основу плехановского наследства, развилась на почве марксистского мирозерцания и сама является выдающимся вкладом в марксизм. Поэтому то ценное, что содержится в наследии Плеханова, заслуживает не скоропалительного орудования топором сокрушающей критики, а по-хозяйски бережного и кропотливого отделения жизнеспособного и плодотворного начала от всякого наносного хлама.

Нигилистическая критика, которая повсюду однообразно пользовалась приемом голого противопоставления взглядов Плеханова ленинским взглядам, не способна была справиться с задачей научной характеристики и оценки плехановского наследства. Однако было бы грубейшей ошибкой сделать из незадачливого опыта ниспровергательской критики Плеханова вывод о неприменимости при изучении его наследства приема сопоставления его взглядов со взглядами В. И. Ленина. Ведь одно дело — голое противопоставление, а совсем другое — научное сопоставление, сравнительная характеристика. Известно, что вообще все явления и вещи познаются в сравнении. Это

давно высказанная и остающаяся непреложной истина. Сопоставление и сравнение общественно-политических, философско-теоретических, литературных взглядов Плеханова и Ленина является задачей особой важности и первостепенным условием правильной оценки места и роли Плеханова в развитии марксистской теории.

Каким образом Плеханов, блестяще выступивший в начале 80-х годов в роли родоначальника марксистского движения в России, славно пронесший знамя марксизма в борьбе против идеологов народничества, ревизионистов, махистов, сам скатился в последствии в лагерь оппортунизма и в итоге порвал с марксизмом и с революционной борьбой рабочего класса? Что помешало ему правильно разобраться в исторических переманах, относящихся к эпохе трех русских революций, и почему он оказался в стане противников социалистической революции в России, когда она победоносно совершилась? Откуда берет начало плехановское неверие в революционные силы рабочего класса? Насколько глубоко проникли его оппортунистические отступления от марксизма в его теорию? Что положительного и что ошибочного заключают в себе его философские работы и каковы корни и масштабы его теоретических ошибок? Какое место занимает он в истории развития современной мировой марксистской мысли? — Эти и другие вопросы, стоящие перед исследованием плехановского наследства, могут быть по-настоящему глубоко, основательно и полно выявлены только в том случае, когда в его противоречиях будет прослежено стражающее противоречий современного ему рабочего движения и неоднородности сил, составлявших это движение, и когда будут поняты в их сильном и слабом проявлении взгляды Плеханова по отношению к тому направлению магистрального развития революционной мысли, которое связано с деятельностью В. И. Ленина. Плеханов безнадежно отстал от этого направления и в ходе своей идейной эволюции все больше расходил с ним. В конечном счете именно это и обрекло его на политическое и духовное банкротство. Но, тем более настоятельной необходимостью становится сопоставление его деятельности, его философских и других теоретических идей с учением Ленина, так как только это и может сделать устойчивым научный анализ и оградить исследователя и от преувеличения подлинных достоинств плехановского теоретического наследства и от неоправданной и произвольной недооценки его.

Вместе с тем, только основательное предварительное разделение идейных позиций Ленина и Плеханова дает возмож-

ность определить правильные ориентиры при освещении существа тех точек зрения (нередко очень запутанных и сложных), которые сложились и развивались в прошлом в критической литературе о Плеханове.

Все эти соображения заставляют нас обратиться к ленинским характеристикам Плеханова в различные периоды его деятельности перед тем, как перейти к обзору острых споров вокруг Плеханова в конце 20-х и в начале 30-х годов.

1.

Вклад Плеханова в развитие марксистской теории нельзя назвать ни малосущественным, ни второстепенным. Но он не вступает ни в какое сравнение с тем титаническим подвигом всемирноисторического масштаба, которым ознаменована в теории деятельность В. И. Ленина. Теоретическое превосходство Ленина над Плехановым не требует особых доказательств. Оно убедительно доказано всем ходом современной истории, исторических перемен и преобразований, которыми подтверждается правильность теоретических открытий и предвидений Ленина. Сила могучего, универсального ума Ленина была, конечно, недостижимой для Плеханова. Это обнаруживается и в постановке и в решении любого из вопросов, которыми занимались они в области теории. Особенно же резко недостижимое величие теоретического гения Ленина выявляется именно там, где оказывался беспомощен и бесплоден Плеханов. Как никто, Ленин умел первым вскрыть социально-исторические сдвиги, которые требовали принципиально нового теоретического разрешения. И как никто, он умел глубоко осмыслить эти сдвиги, проследить их связи и опосредствования со всем ходом исторического движения, умел теоретически предвидеть объективное направление в развитии зарождающихся в жизни новых явлений, указать на результаты, к которым ведет этот процесс. Он умел найти единственно правильное теоретическое определение целей, средств и методов практически-революционной деятельности передовых сил, стоящих в авангарде переустройства материальных, социальных и духовных сторон жизни в соответствии с идеалами коммунизма. Ленин — и в практике и в теории — новатор. Революционная идеология новейшего времени — марксизм — возведена им на новую историческую стадию ее состояния. Ленинское учение развило дальше и глубже все сферы научной мысли. Оно обогатило великими открытиями философию и политическую экономью, теорию социалистической революции и социалистиче-

ского строительства, теорию государства и права, учение о коммунистической культуре и о коммунистической морали, теорию литературы и искусства и т. д.

Никто не ценил столь исключительно высоко, как Маркс, Энгельс и Ленин, богатства духовной культуры человечества, накопленные в прошлом; никто, как они, не относился с большим уважением и вниманием к мыслительному материалу, оставленному прошлыми поколениями мыслителей, ученых, писателей. Никто, как Ленин, не относился с таким преклонением, благоговением и преданностью к учению своих учителей, Маркса и Энгельса. Но когда предстояло давать ответы на вопросы современной теории и революционного действия, Ленина так же, как до него Маркс и Энгельс, обращался не к книжной мудрости и не к готовым рецептам, а к анализу живых процессов и ситуаций самой исторической реальности. Обладая поистине колоссальными знаниями теоретического богатства, созданного предшествующими поколениями, прежде всего, основоположниками научного коммунизма, В. И. Ленин в то же время умел творчески переработать весь этот мыслительный материал, чтобы применить его к живому современному делу освободительной борьбы рабочего класса и к дальнейшему совершенствованию самой теории применительно к изменившимся историческим условиям. Ленинское учение неизменно направлено на выяснение проблем революционной практики и теории, которые связаны с задачами непрерывного движения революционных сил и революционной мысли вперед. Сами критерии истинности этого учения определяются не отвлеченно-рассудочной правильностью умозаключений, а полным соответствием его положений конкретному историческому ходу развития, хотя при этом Ленин никогда не отступает и от железных принципов научной логики.

Теоретическая деятельность Плеханова не имела новаторского характера в том смысле, какой присущ ленинизму. Правда, как указывалось выше, он тоже по-новому осветил целый ряд вопросов и даже целые области теории, каковы, в частности, материалистическое понимание истории и теория искусства и литературы. Но его теоретические усилия почти целиком были сконцентрированы вокруг генетической природы изучаемых вопросов, вокруг выяснения возникновения и сущности изучаемых явлений. Он очень редко задавался целью раскрыть будущие перспективы развития этих явлений и определить в связи с этими перспективами конкретную линию действия революционных сил. Теоретический взгляд Плеханова, даже в его строго выдержанных марксистских работах,

всегда обращен по преимуществу в прошлое. Точнее: Плеханов в основном занят объяснением уже совершившихся исторических событий. В теории он так же тяготеет к пропаганде, распространению и обоснованию ранее добытых методологических принципов (чаще Маркса и Энгельса, иногда — других мыслителей). В подавляющем большинстве случаев он занят лишь обоснованием **правильности** марксистского учения о закономерностях общественного развития, или даже уже — материалистического **понимания** истории. Он признавал необходимость дальнейшего развития учения Маркса, но самому ему недоставало умения и пафоса этого развития. Плеханов чаще повторял истины, а не расширял и не углублял их тогда, когда этого требовали качественно изменившиеся данные исторического опыта. Не случайно он «просмотрел» кризис в физике и естествознании и твердил, что идеализм в философии поголову разбит Фейербахом в то время, когда пукло было дальше развить материалистическое учение с учетом новейших открытий в физике. Не случайны также систематические попытки Плеханова переносить на события русской революции схемы, основанные на логических понятиях о «революции вообще», без учета специфичности исторического этапа, на котором совершалась русская революция и без учета конкретной расстановки сил, действовавших в этой революции.

В. И. Ленин, раскрывая теоретическую несостоятельность плехановской тактики в революции 1905 г., писал, что Плеханов пытался «выводить конкретные положения об определенной тактике в определенном случае, об отношении к различным партиям буржуазной демократии из общей фразы об «общем характере» революции, вместо того, чтобы этот «общий характер русской революции» выводить из точного разбора конкретных данных об интересах и положении различных классов в русской революции».²

Отстав в теории от нового «духа времени», не умея дать теоретические ответы на вопросы, вытекавшие из своеобразных исторических условий, в которых развивались события революции в России, Плеханов после 1903 г., перейдя в стан меньшевиков, сосредоточился на выписывании цитат и готовых решений в трудах Маркса и Энгельса. Одновременно он считался представлять дело таким образом, что Ленин якобы пренебрегает указаниями Маркса и сближается с «критиками Маркса».

Вот один из многих примеров, характеризующих различие ленинского и плехановского подходов к вопросам теории в обстоятельствах, требовавших новых теоретических решений.

В период разгоревшейся острой борьбы по вопросам тактики в революции между большевиками и меньшевиками Плеханов в статье «К вопросу о захвате власти» (апрель 1905), направленной против Ленина, писал, поучая большевиков: «Наша партия стоит на точке зрения марксизма. Посмотрим же, не приходилось ли самому Марксу высказываться о той тактике, которой должен держаться революционный пролетариат в исторические моменты, подобные переживаемому нами» (XIII, 204). Подходящую к его собственным тактическим соображениям установку на решение вопроса о захвате власти революционным народом и об участии в правительстве после революции представителей рабочего класса Плеханов нашел, как ему представлялось, в «Обращении ЦК Союза Коммунистов», которое написал Маркс в 1850 г. При этом Плеханов игнорировал то, что Маркс имел в виду совершенно конкретные обстоятельства, сложившиеся в момент написания «Обращения». Народные массы перед тем потерпели поражение, революция в Германии переживала спад, силы рабочего класса были слабо организованы и совершенно недостаточны для нового наступления. Учитывая это, Маркс и советовал рабочему классу заняться прежде всего организацией собственных сил. С организацией мелкобуржуазной демократии дело обстояло значительно лучше, и Маркс допускал, что при удаче нового переворота она вполне могла захватить власть и возглавить революционное правительство. Таким образом, вопрос о тактике Марксом решался с учетом конкретных условий революционного движения. Плеханов же не считался с конкретными общественными условиями, он механически переносил высказывания Маркса из одной исторической эпохи в другую. Маркс в своем «Обращении» исходил из того реального положения, что революция шла по нисходящей линии. Плеханов закрывал глаза на это обстоятельство и переносил рекомендацию Маркса на революционную тактику вообще, навязывая свою общую тактическую схему русской социал-демократии в момент, когда революция только еще разгоралась. Произвольные ссылки Плеханова на авторитет Маркса с целью оправдания и обоснования своей меньшевистской схемы вели к далеко идущим выводам. Он отвергал, как известно, участие пролетариата в будущем революционном правительстве, требовал занять такую позицию, которая не отступила бы, по его мнению, от революции либеральную буржуазию и т. д. Объективно плехановская тактика в итоге обрекала движение на реформистский путь, поскольку либеральная русская буржуазия и не думала добиваться коренных революцион-

ных преобразований, стремясь спустить революционный взрыв народа на тормоза купчих конституционных реформ.

В. И. Ленин писал, сопоставляя методологические принципы большевиков и меньшевика Плеханова, лежавшие в основе их двух тактик в революции: «Вперед» (орган Ленина и большевиков в этот период.— В. А.) ставит вопрос на конкретную почву, учитывая реальные общественные силы, которые участвуют в России в борьбе за демократический переворот. Плеханов же ни единого слова не говорит о конкретных русских условиях. Весь багаж его ограничивается парой не к месту приводимых цитат. Это чудовищно, но это так».³

Общезвестные положения тактики, разработанной В. И. Лениным, прямо противоположны тактической схеме Плеханова. Ленин строил программу действий пролетариата и его революционной партии не из абстрактных представлений о буржуазно-демократической революции вообще, а из анализа конкретного своеобразия русской революции и особенностей ее движущих сил. Этот анализ привел Ленина к определению особого характера буржуазно-демократической революции в России, как революции, являющейся непосредственным прологом социалистической революции. Поэтому в противоположность Плеханову и меньшевикам Ленин ставил вопрос об изоляции буржуазии в ходе революции, а не о предоставлении ей полной свободы рук.

«Без демократической диктатуры пролетариата и крестьянства республика в России невозможна. Это утверждение «Вперед» выставил на основании анализа реальной ситуации. К сожалению, Маркс этой ситуации не знал и о ней не писал. И поэтому ни подтверждать, ни опровергать одними только цитатами из Маркса анализа этой ситуации нельзя. А о конкретных условиях Плеханов не говорит ни слова».⁴

Ленин принципиально по-новому решал вопрос о роли крестьянства, вопрос об отношении к оппозиционным слоям радикально настроенной буржуазии и другие. В частности, он так же не исключал гибкой тактики в отношении и к революционному слою буржуазии. Но опять-таки эти вопросы решались Лениным не вообще, не отвлеченно, а с учетом складывающихся в процессе революционных событий обстоятельств и, главное, с учетом классовых интересов рабочего класса и перспектив развития социалистической революции. «К чему сводится вся теперешняя тактика т. Плеханова? — писал Ленин. — К раболопству перед успехом кадетов, к забвению громадных отрицательных сторон их теперешнего поведения, к затушевыванию реакционности кадетов по сравнению с револю-

ционным элементом буржуазной демократии, к затемнению сознания рабочих и крестьян, способных верить в «ходатайства» и в «игрушечный парламент».⁵ Плеханов вел речь о целесообразности поддержки буржуазии. Большевики не исключали возможности поддержки. Но они решали вопрос «о поддержке в данное время той или иной части этой оппозиционной и революционной буржуазии. Ошибка Плеханова состоит в подмене конкретного исторического вопроса абстрактным соображением».⁶

2.

Всякий раз Ленин подмечает это неумение Плеханова выявить особенности оригинально неповторимых социально-исторических явлений и соответственно осмыслить их теоретически, неумение конкретно указать «какое именно средство борьбы в какой именно момент будет не «вспышкой», а верным шагом к победоносной революции».⁷ Ленин при этом раскрывает политический характер плехановских заблуждений, политический аспект его оппортунистических отступлений от революционного марксизма в тактике. «Буржуазия великолепно понимает, что плехановские идеи сеют именно живую мысль о «политическом мире» и притупляют на деле всякую классовую рознь, всякую классовую борьбу».⁸ Но, выявляя политический вред тактического оппортунизма Плеханова, В. И. Ленин показывает вместе с тем и методологическую ущербность точки зрения Плеханова, с которой связаны его тактические выводы. Применения шаблонов там, где требовались принципиально новые решения, не были случайными у Плеханова, они порождены глубокими внутренними особенностями его метода.

Нередко в работах о Плеханове как на одну из главных причин, которая увлекала его на путь схематизации и приводила к игнорированию своеобразных условий революционного движения в России, указывается на многолетний отрыв его от русской жизни. Многие, по-видимому, действительно объясняется этим обстоятельством. Прожив долгие годы за границей, когда общественные отношения в стране, расстановка общественных сил и сам характер отдельных классов (в частности, крестьянства) в корне преобразились, Плеханов слабо и схематично представлял себе реальное положение, составляя это представление по косвенным источникам. Это бесспорно наложило известный отпечаток на формирование теоретических понятий его о современных условиях исторической действительности.

Но тут давали себя знать и особенности его мышления, коренящиеся в характере теоретических воззрений Плеханова. Приведенный пример с его ссылкой на «Обращение ЦК Союза Коммунистов» Маркса весьма многозначителен в этом плане. Столкнувшись с историческим фактом, требующим теоретического осмысления, Плеханов говорит: «Посмотрим, что сказано по этому вопросу у Маркса». Это характерный прием, который проливает свет на всю его методологию. «Посмотрим» прежде всего не на то, какова реально сложившаяся ситуация, а «посмотрим», были ли прежде «подобные моменты», что сказано по их поводу Марксом или Энгельсом. Решение вопроса дается Плехановым по принципу отыскания исторических аналогий, оно опирается не на творческое применение и развитие «духа марксизма», его метода применительно к конкретной обстановке, с учетом ее исторического своеобразия, а на выискивание готовых формул, общих определений и решений.

Использование Плехановым шаблонов и старых штампов там, где нужны были новые теоретические обобщения и выводы, нельзя рассматривать как частные случаи и отдельные примеры. Плеханов прибегает к ним под воздействием своего внутреннего методологического принципа, в котором давали себя знать недоразвитость, ограниченность, неполноценность всей его системы мышления.

Здесь, во-первых, он неизменно находился во власти принятой им схемы, согласно которой русская общественная мысль всегда якобы выступала в роли робкой и послушной ученицы западно-европейских учений. По его убеждению, должны пройти долгие годы, чтобы она перестала «ждать пароля с Запада» и вступила на путь самостоятельных теоретических открытий. На эту роль русская общественная мысль обречена отсталостью России. В одном из выступлений на Лондонском съезде РСДРП 1907 г. он, руководствуясь этим соображением, отверг мысль Ленина о необходимости выработать свои теоретические положения, соответствующие своеобразным условиям деятельности марксистской партии в России. «Т. Ленин сказал, — цитирует Плеханов высказывание Ленина: — «Наши западные товарищи прониклись бы большим уважением к нам, если бы услышали, что мы занимаемся выработкой теоретических положений». Совершенно напротив: западные товарищи с изумлением пожали бы плечами и сказали бы: «Странные люди эти россияне! Дела у них непочатый край, а они, подобно средневековым схоласткам, тратят время на бесплодные споры о том, сколько ангелов может поместиться на конце булавочного острия». И это не потому, что наши западно-евро-

пейские товарищи относятся отрицательно к теоретическим спорам. Ничуть не бывало! Некоторые из них поднимаются в своих спорах на гораздо большую высоту, чем многие и многие из наших товарищей» (XV, 379).

Страдавший высокомерием по отношению к Ленину и большевикам, Плеханов относился с повышенным пиететом к западно-европейским теоретическим авторитетам и полагал, что россияне не доросли до того, чтобы братья за самостоятельное решение коренных вопросов теории. Шла ли речь о движущих силах русской революции или о тактических действиях социал-демократии в ходе революции, Плеханов ориентировался не на самостоятельный анализ революционной ситуации, а на повятия об «общем характере буржуазной революции», выработанные в процессе революций конца XVIII — первой половины XIX века европейскими мыслителями.

Примечательный факт. Не сумев опровергнуть с помощью распространенных общих формул положение Ленина об особом характере революции 1905 г. в России и о том, что во главе ее должен стоять рабочий класс, хотя она и была буржуазно-демократической по своему характеру, Плеханов обратился, по его выражению, к «вожакам западного рабочего движения» (XV, 295) с анкетой, вопросы которой были формулированы, как заметил Ленин, в нужной Плеханову форме.⁹ Некоторые из них, в том числе К. Каутский и жоресист Э. Мильо, не оправдали на сей раз надежд Плеханова. Они вынуждены были признать правоту Ленина, а не Плеханова, и согласиться, что русская революция не походила на революции, происходившие на Западе. «В ней, — писал К. Каутский, — пролетариат не является более простым придатком и орудием буржуазии, как это было во время буржуазных революций, а самостоятельным классом с самостоятельными революционными целями».¹⁰ Ленин в написанном им предисловии для брошюры Каутского, приведя его высказывание: «мы стоим перед совершенно новыми ситуациями и проблемами, к которым не подходит ни один старый шаблон», заметил: «Это не в бровь а в глаз против плехановского вопроса: буржуазная ли революция у нас по общему ее характеру или социалистическая».¹¹ Зато Плеханов торжествовал, что другие «ортодоксальные» авторитеты (например, Э. Вандервельде) дали ему основание «порадоваться» тому, что его «предвидение блестяще оправдалось» (XV, 296). В другом случае Плеханов «радовался», найдя нужное ему решение вопроса об отношении к Думе у П. Лафарга (который, по его словам, «принадлежит к числу самых «ортодоксальных» последователей Маркса и Энгельса») и у Жюля Ге-

да, «правового марксиста, каких не много» (XV, 252).

Столкновение двух теоретических и тактических концепций революции — ленинской и плехановской — означало в конечном счете решение вопроса о перспективах исторического развития России. Принять ли за образец буржуазные революции Запада, как считал Плеханов, солидарный с большинством лидеров II Интернационала, и признать, следовательно, что после победы революции откроется длительная полоса развития страны по пути буржуазного парламентаризма: или же направить революцию в такое русло, когда с победой буржуазно-демократической революции будут созданы благоприятные объективные предпосылки для быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, как считал Ленин? Плеханов отлично сознавал эту альтернативу и, отвергая ленинскую теорию и тактику, третируя их как десбыточную утопию и идеализм, он отставал переход к буржуазному парламентаризму. Отсюда его установка на руководящую роль либеральной буржуазии в революции. По сути он вступил в блок с кадетами на «платформе полномочной Думы». Плеханова не смущало даже то очевидное обстоятельство, что кадеты, как указывал Ленин, правели с каждым днем в ходе революции и требовали поправок от самого Плеханова и социал-демократов. Они открыто, не стесняясь говорили, что войдут в сделку с черносотенцами и разобьют «вредные революционные иллюзии».¹² Плеханов мотивировал эту свою сделку с либеральной буржуазией ссылкой на необходимость быть реалистами в истории, а также на «опыт Запада». Некоторые марксисты, писал он, имея в виду Ленина и большевиков, «считали возможной в России социалистическую революцию, как будто производительные силы этой страны были уже достаточно развиты для такой революции».¹³

На том основании, что социалистическая революция до сих пор не произошла на Западе, значительно опередившем в развитии производительных сил «отсталую, крестьянскую Россию», Плеханов еще до перехода в лагерь меньшевиков высказывался отрицательно о возможности победы социалистической революции в России, а затем, ставши меньшевиком, неизменно твердил о преждевременности социалистической революции в России и умер после победы ее с убеждением в ее несвоевременности. Еще в статье «Что же дальше?» (1901) он заявлял: «Торжество социализма не может совпасть с падением абсолютизма. Эти два момента по необходимости будут отделены один от другого значительным промежутком времени» (XII,

163). В 1905 г. он другими словами выразил ту же мысль: «У нас в России капитализм далеко еще не созрел для своей гибели» (XIII, 301). Срок, отделяющий, по его мнению, период буржуазной революции от социалистической, должен занимать немалый исторический промежуток времени. Так, указывая на пример Франции, Плеханов говорил: «Франция уже сто десять лет тому назад пережила свою буржуазную революцию, а Россия только теперь ее переживает... Во Франции перед пролетариатом стоит вопрос о замене буржуазных отношений производства социалистическими; в России же речь идет пока лишь о том, чтобы заменить наш старый порядок новейшими буржуазными отношениями» (XV, 94). Из этих отвлеченных соображений, никак не связанных с конкретной обстановкой в России, Плеханов вывел одно из краеугольных положений меньшевистской тактики, по которому пролетариату отводилась роль некоего стимулятора активных действий либеральной буржуазии. Пролетариат «должен напомнить либеральной буржуазии, что она вполне может рассчитывать на его энергичную поддержку, если только она не занесет в свою политическую программу политической измены демократии, если только она не выступит против политических требований сознательных рабочих». Так писала, определяя тактику пролетариата в революции, редакция «Искры», после перехода газеты в руки меньшевиков, и Плеханов полностью солидаризировался с нею (XIII, 178). Он добавлял, что «политические требования рабочих» должны иметь умеренный характер и не выходить за пределы приемлемой для либеральной буржуазии формы демократии: «мы в своей деятельности должны руководиться тем соображением, что мы не должны без надобности пугать тех, которые в данное время могут быть полезны нам» (XIII, 178).

Какими бы оговорками ни обставлял Плеханов эти свои высказывания, как бы он ни ссылался на общеизвестные положения марксизма о непримиримости классовых интересов пролетариата и буржуазии и на то, что эти положения должны учитываться в практической деятельности, — а такие оговорки и ссылки встречаются на каждом шагу и в его выступлениях меньшевистского периода, — объективно линия Плеханова за долго до Октябрьской социалистической революции была расчитана на развитие России по образцу западных буржуазных демократий. «Недозрелые умы» российского марксизма, — многозначительно и назидательно поучал Плеханов Ленина и большевиков, — раз навсегда поворачиваются спиной ко всему тому, что носит в себе печать буржуазности, и даже не подозре-

вают, что историческим лейтмотивом нынешнего нашего освободительного движения является не борьба пролетариата с буржуазией, предполагающая существование новейшего буржуазного общества, с соответствующими ему политическими учреждениями, а одновременная и в значительной степени совместная борьба классов, характеризующих собою это новейшее буржуазное общество, с разнородными пережитками старого порядка, выросшего на основе совсем иных экономических отношений» (XV, 249). Так писал Плеханов в 1906 г. Таких взглядов придерживался он и впоследствии. И В. И. Ленин вправе был расценить и заклеить линию Плеханова, как соглашательскую по отношению к кадетам и предательскую по отношению к интересам революционного движения, к интересам пролетариата. Его взгляд на революцию в России как чисто буржуазную революцию в старом классическом смысле этого понятия, его утверждение о том, что главной движущей силой этой революции должна быть либеральная буржуазия, а рабочий класс должен занять позицию пособника буржуазии, обставившиеся Плехановым софистическими ссылками на Маркса, Ленин метко охарактеризовал как «опошление марксизма, карикатуру на марксизм».¹⁴

3.

Конечно, позиция Плеханова в вопросах революции, его представления о роли классов в революции, о ее ближайших целях, являлись, прежде всего, выражением его политических взглядов, характеризовали его тактику и стратегию. Установка Ленина на союз рабочего класса с крестьянством с целью завоевания диктатуры пролетариата и крестьянства как переходной стадии на пути к осуществлению в ближайшем будущем социалистической революции, с одной стороны, и установка Плеханова на союз пролетариата с либеральной буржуазией в расчете на завоевание парламентской буржуазной республики, с другой стороны, — это два принципиально различных решения политической проблемы.

И все же допустить полное отождествление плехановской политической точки зрения с его философскими и теоретическими воззрениями — значит не понять всей сложности Плеханова и прийти к тем упрощенным выводам, согласно которым он после 1903 г. начинает рассматриваться во всех отношениях и в каждом частном вопросе как антипод марксизма.

В. И. Ленин, беспощадно бичевавший меньшевистский оппортунизм Плеханова, не допускал однако даже в моменты самых жарких схваток с ним такого упрощенного смешения

политического «оношления» Плехановым марксизма с его теоретическими взглядами. Ленин не представлял дело таким образом, что Плеханов, будучи меньшевиком, ничего общего не имел с марксизмом. Ведь нельзя, в частности, ни игнорировать, ни недооценивать того факта, что, высказываясь о большом теоретическом значении философских трудов Плеханова, Ленин называл среди них и те работы, которые были написаны Плехановым в меньшевистский период. В статье о К. Марксе для энциклопедического словаря Гранат (1914) В. И. Ленин писал: «По вопросу о философии марксизма и об историческом материализме лучшее изложение у Г. В. Плеханова: «За 20 лет». СПб. 1909, 3-е изд.; «От обороны к нападенню». СПб. 1910; «Основные вопросы марксизма». СПб. 1908; «Критика наших критиков». СПб. 1906; «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю». СПб. 1908, и др. соч.»¹⁵ Как видим, здесь названы «лучшими» «о философии марксизма и об историческом материализме» среди прочих и некоторые из работ Плеханова, созданные им после 1903 г.

Но мы уже приводили и ряд других высказываний Ленина, свидетельствующих о том, что он не расположен был прямолинейно отвергать как немарксистские теоретические произведения Плеханова меньшевистской поры. Напомнив, в частности, еще раз, что, отвергая политический оппортунизм Плеханова, Ленин подчеркивал в письме к Горькому, что «в философии он отстаивал правое дело» в борьбе с эмпириокритиками и эмпириомонистами. Можно указать и на более определенные разграничения Лениным области плехановских политических и теоретических взглядов. Вот одно из такого рода высказываний Ленина, относящееся к периоду его острой борьбы с политическим отступничеством Плеханова. «Теоретические работы последнего (Плеханова. — В. А.) — главным образом критика народников и оппортунистов — остаются прочным приобретением социал-демократии всей России и никакая «фракционность» не ослепит человека, обладающего хоть какой-нибудь «физической силой ума», до забвения или отрицания важности этих приобретений. Но как политический вождь русских социал-демократов в буржуазной российской революции, как тактик, Плеханов оказался ниже всякой критики. Он проявил в этой области такой оппортунизм, который повредил русским социал-демократическим рабочим во сто раз больше, чем оппортунизм Берштейна — немецким. И с этой кадетообразной политикой Плеханова, вернувшегося в лоно изгнанных ям в 1899—1900 гг. из социал-демократической партии

гг. Прокоповичей и К°, мы должны вести самую беспощадную войну».¹⁶

Это высказывание вряд ли требует дополнительных подробных комментариев. Ленин требует проводить четкую грань между политическими позициями Плеханова, которые «ниже всякой критики», и его теоретическими работами, которые Ленин считает «важными приобретениями» всего марксизма и отрицание которых, по его мнению, возможно лишь при «фракционном» ослеплении ума.

Но не менее очевидно также и то, что В. И. Ленин не отрывал и не противопоставлял теоретических взглядов Плеханова его политическим взглядам. Напротив, Ленин даже в самых сугубо политических выводах и положениях Плеханова умел подметить и раскрыть проявление философских и методологических недостатков его мышления, к которым Ленин относил шаблонность и отвлеченность его рассуждений всюду, где требовалось дать конкретный анализ своеобразия социально-исторических обстоятельств революционного движения и сделать соответствующие практические выводы из этих обстоятельств. Ограниченность методологии Плеханова мешала ему идти вперед и вынуждала прибегать к общим схемам, когда теоретическое сознание сталкивалось с ситуациями, сложившимися в коренным образом изменившихся исторических условиях эпохи империализма и пролетарских революций.

В какой-то мере достойно удивления, что при этом Плеханов подчас обнаруживал сам способность подмечать склонность к схематизации у близких его сердцу меньшевиков и осуждать их схематизм. Меньшевистский оппортунизм, подвергавшийся критике со стороны большевиков, обрекал предводителей меньшевизма, по выражению самого Плеханова, на «отвлеченную революционность, опутывавшую их густым туманом фразеологии», на «большое пристрастие к схематизму». «Это пристрастие, — говорил он в 1906 г. — сильно и неприятно поражало меня на их конференции. Некоторые «меньшевики» так и говорили там: «В такой-то и такой-то резолюции должна быть такая-то схема нашего будущего движения». Нечего и говорить, что в этом пристрастии к схемам нет ни одного атома марксизма» (XV, 58). Но, увы, это не мешало ему самому поддерживать и считать правильной тактику меньшевиков, хотя она, как он сам признавал, страдала педантизмом. Собственно же схематизма, шаблонности своих тактических конструкций он вообще не замечал. Когда же на них указывали другие, Плеханов бросался на их защиту и выставлял напоказ, как образец стойкой верности высказываниям Маркса или Энгельс,

са. С этой напускной «ортодоксальностью» непоколебимого приверженца «духу марксизма» он полемизировал против Ленина. Те же аргументы пускал в ход и тогда, когда на заскорузлость его положений указывали другие революционеры.

Всенародно Плеханов сетовал на Р. Люксембург, назвавшую его «почтенной окаменелостью» (XV, 392) за то, что он механически «составил себе известную схему на основании действий Маркса в 1847—1848 гг. и ни за что не хотел отступить от этой схемы» (XV, 392).

Очень важно обратить внимание на то, как Плеханов защищался от подобной критики. Всякий раз, когда ему приходилось слышать упреки в «окаменелости» его понятий (от Ленина, Р. Люксембург, Луначарского и др.), он принимался твердить, что он стоит на точке зрения Маркса и останется верным ей до конца. «...Что касается моих политических взглядов, то я остаюсь и, конечно, останусь таким же, каким я был с тех самых пор, когда сложились мои социал-демократические убеждения» (XV, 382), — провозглашал Плеханов. Он кичливо заявлял, что предложенный им тактический «план» для русской революции руководствовался «теми основными положениями тактики международной революционной социал-демократии, которые были выработаны еще в то время, когда мы с Лениным и г. П. Струве не родились еще на свет божий, и о которых Ф. Энгельс говорил, что он в течение всей своей жизни не имел ни одного повода к тому, чтобы усомниться в их правильности» (XIII, 176). Прегрешение Ленина, по его мнению, высказанному в другом месте, состояло в том, «что Ленин и все «большевики» со временем совершенно уклонились от тех тактических взглядов, которые высказаны были мною еще в первых изданиях группы «Освобождение труда» (XIX, 386).

Громкие декларации Плеханова о его собственной исключительной марксистской «ортодоксальности», равно как не менее громкие обвинения Ленина в бланкизме, бакунизме, «народовольчестве», призваны были скрыть горькую и неприглядную правду. Плеханов не был искренним, заявляя, что он чуть ли не из кожи вон лез, чтобы остаться на позициях Маркса. Когда он выпренине бросил упрек Ленину: «вы покинули точку зрения марксизма и ударились в бланкизм, а я, — тоже ведь бывший «большевик», — остался на точке зрения Маркса» (XV 112), он, по меньшей мере, обнаружил свое общее непонимание того великого исторического значения, которое имело для марксизма творческое развитие революционной теории Лениным. Но в то же время он пытался прикрыть громкими

фразами свое отступничество от марксизма и извращение его. Развенчивая софистические выкрутасы Плеханова, Ленин подчеркивал, что «теперешнего (т. е. после перехода в лагерь меньшевизма.— В. А.) Плеханова ни один русский социал-демократ не должен смешивать со старым Плехановым».¹⁷ Плеханов не должен опровергать это мнение. Так, на Лондонском съезде 1907 г. он посвятил этому чуть ли не целиком одно из своих выступлений. «Один из товарищей заметил здесь: «Плеханов теперь не тот, что был прежде». И я знаю, что многие из присутствующих на съезде разделяют это мнение, — сетовал он в своей речи; — я уверен, что многие из них тоже готовы сказать обо мне: «был конь, да **изъездился**» (XV, 382). Но ничего, кроме жалкого и постыдного конфуза, из попытки опровергнуть то, что было ясно каждому, не вышло. «Плеханов... фактически в своей политической обывденной работе елился с господами Прокоповичами и Кусковыми».¹⁸ «Вожди II Интернационала, г. Плеханов, Каутский и подобные им, опошлили и извратили марксизм»,¹⁹ — констатировал В. И. Ленин.

Но указывая на отступничество Плеханова от марксизма, Ленин признавал долю истины и в том, что Р. Люксембург образно назвала «почтенной окаменелостью» во взглядах Плеханова. В ретроспективном плане на такую «окаменелость» обращал внимание и сам В. И. Ленин. В «Предисловии к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману» Ленин отнес Плеханова к числу «квазимарксистов, любящих цитировать Маркса всуе, чтобы брать только оценку прошлого у него, а не уметь творить будущее...».²⁰

Эти ленинские слова дают, по нашему убеждению, ключ к правильному пониманию чрезвычайно сложного вопроса о соотношении теоретических взглядов Плеханова с его политическими меньшевистскими взглядами в тот период, когда он присоединился к стану меньшевиков. Только с учетом этой ленинской мысли возможно выпутаться из тех до крайности запутанных мнений по этому поводу, которые сложились и существуют до наших пор в литературе о Плеханове.

Немало критиков с 20-х годов и до настоящего времени придерживаются убеждения, что после 1903 г. Плеханов полностью порвал с марксизмом и его теоретические взгляды в последующие годы имели чисто антимарксистский характер. Другие, напротив, отделяют в его наследстве область теории от области политики, революционной тактики и стратегии и считают, что в первой он оставался в основном на марксистских позициях, а во второй был ренегатом и оппортунистом. Наконец, третьи выработали растяжимую и, надо сказать,

очень туманную формулу о так называемом «доленинском марксизме» в теории, согласно которой Плеханов относится ими к представителям некоего доленинского этапа в развитии марксизма.

Если первые две из этих точек зрения предельно ясны, то последняя не обладает сколько-нибудь четкой определенностью. Может быть не случайно иногда делаются уточняющие оговорки и говорится о Плеханове уже не как о представителе «доленинского марксизма» вообще, а как о представителе раннего, доленинского марксизма в России. Но и в том и в другом случае неизбежно возникает ряд недоуменных вопросов, ответы на которые, к сожалению, тщетно было бы пытаться искать у тех, кто пользуется этой формулой, как чем-то само собой разумеющимся.

Что означает понятие «доленинский период развития марксизма» в целом или же марксистской теории в какой-либо отдельной области? Следует ли сюда включать учение Маркса и Энгельса или же имеется в виду некое промежуточное состояние марксистской мысли между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным, с другой? Известно, что были самоявленные «ученики Маркса», имея в виду которых сам Маркс заявлял, что он отказывается считать себя «марксистом». Формула, относящая Плеханова к «доленинскому марксизму», очевидно, не причисляет его к такому типу «учеников Маркса». Но тогда можно спросить, чем же принципиально отличается «плехановский марксизм» от марксизма, выработанного его основоположниками? Совершенно очевидно, что, оставаясь на позициях марксизма в теории и революционной деятельности, Плеханов не создал своей особой фазы в развитии марксизма, а был последователем учения Маркса и Энгельса. Не случайно, решая проблемы русского революционного движения и русской общественной мысли в борьбе с противниками марксизма в России, он сам именовал себя «одним из русских учеников Маркса». Конечно, как мы уже подчеркивали, это отнюдь не исключало того, что в некоторых областях теории, например, в учении о материалистическом полимании истории, в эстетике, литературоведении, художественной критике, творчески применяя метод Маркса-Энгельса, он сделал немалый самостоятельный вклад в развитие марксистской теории. Но как бы ни был велик этот вклад, принципиально он не внес ничего особо нового в развитие марксизма, а в точном смысле лишь расширил сферу его применения, осветив с марксистских позиций те вопросы, которые до него не затрагивались или слабо разрабатывались марксистскими теоре-

тиками. Те принципиальные положения Плеханова, которые не совпадали с положениями основоположников марксизма, к сожалению, не обогащали и не развивали марксизм, а напротив, были отступлениями от него, вследствие ли неполноценного усвоения отдельных сторон методологии Маркса, либо же вследствие ошибочного применения ее при самостоятельном решении тех или иных конкретных теоретических задач.

Определение теоретических взглядов Плеханова как доленинского периода в развитии русской марксистской мысли также не может не наводить на сомнения и возражения. Видеть принципиальные особенности плехановской теории в каком-то ее национальном своеобразии, т. е. считать ее русской разновидностью марксизма, тоже, вряд ли есть основания. Во-первых, потому, что теоретические основы марксизма едины, и сам Плеханов стоял на этой точке зрения. Применительно к национальным условиям существует всякий раз не свой особый марксизм, а практическая и теоретическая необходимость анализа в свете марксизма конкретных форм и особенностей развития данного народа и соотношения классовых сил, сложившихся в определенных условиях общественных противоречий всякой нации. Давно неоспоримо доказано, что о ленинизме также нельзя сказать, будто он является национальной, «русской» разновидностью марксизма. Ленинизм явился дальнейшим качественным развитием учения Маркса и Энгельса в новых исторических условиях современного общества, вступившего в эру всеобщего кризиса империалистического капитализма и победоносных социалистических революций. Ленин именно принципиально по-новому решил многие теоретические вопросы, возникшие перед революционным движением пролетариата в этих условиях, как в России, так и во всем современном мире. Вот почему, во-вторых, было бы необоснованно, если бы мы попытались выделить теоретическое наследие Плеханова в некоторую самостоятельную фазу исторического развития «русского» марксизма. Плеханов перенес марксизм на русскую почву, привил и утвердил его в сознании передовых сил революционной России. Он отстаивал марксистское учение в борьбе с его идейными врагами в России (пародники, «экономисты», легальные «марксисты», эмпирикритики и др.) и на международной арене (Бернштейн, махисты, неокантианцы и др.), талантливо пропагандировал марксизм и обосновывал его правильность, как строго научное философское, социологическое, экономическое учение. В этом великая историческая заслуга Плеханова. Но, повторяем, ничего принципиально нового в развитие марксизма Плеханов не внес.

Более того, когда говорится о том, что Плеханов и Ленин были представителями двух различных фаз в истории марксизма, вольно или невольно игнорируется и затушевывается то обстоятельство, что Плеханов вел идейную борьбу против Ленина. А эта борьба велась Плехановым не с точки зрения некоей «доленинской стадии» русского ли, международного ли марксизма. Наоборот, она велась с немарксистских позиций, велась потому, что Плеханов отчасти даже в лучшую пору своей деятельности был недостаточно последователен в марксистской теории, недостаточно глубоко усвоил отдельные коренные положения философии Маркса, а отчасти потому, что он эволюционировал, и чем дальше, тем все сильнее и больше, в сторону от революционного марксизма.

4.

Переход современной истории на новую стадию ее развития, качественные перемены в движущих силах современного революционного процесса, великие современные открытия в физике и естествознании, совершившие революционизирующий переворот в науке, Плеханов просмотрел. Он проявил беспомощность и неумение произвести качественный пересмотр отдельных теоретических понятий и привести теорию в соответствие с теми сдвигами, которые произошли в изучаемых ею явлениях.

И дело тут вовсе не так элементарно просто, как это представлялось нигилистической критике Плеханова, полагавшей, что Плеханов был вообще враждебен марксизму и лишь подделывался под него, подобно П. Струве и другим буржуазно-либеральным деятелям.

Необоснованные утверждения о полной несовместимости взглядов Плеханова с подлинным марксизмом вытекали из того, что весь его творческий путь рассматривался в свете исключительно только тех идейных позиций, которые он занимал под конец жизни. При этом делались ссылки на высказывания В. И. Ленина, но игнорировался тот факт, что эти высказывания имели в виду последний, самый неблагоприятный период деятельности Плеханова. Общеизвестные ленинские оценки положительных сторон деятельности Плеханова, ныне признаваемые каждым советским исследователем и историком, тогда либо совсем замалчивались, либо объяснялись тактическими расчетами Ленина использовать популярность имени Плеханова в борьбе с еще более опасными и непримиримыми, чем Плеханов, врагами марксизма.²¹

Только заведомая вульгаризация способна была породить такое сомнение в искренности или видеть какой-то скрытый расчет Ленина, когда он, говоря о лучшем периоде деятельности Плеханова, заявлял, что «его личные заслуги промадны в прошлом»,²² что Плеханов был тогда «одним из виднейших представителей революционного социализма»,²³ «марксистом и революционером».²⁴ Эти характеристики Ленина тем более примечательны, что они давались в то время, когда Плеханов уже переродился и когда, по словам Ленина, «данного буржуа Плеханова» не следовало «признавать за социал-демократа».²⁵

Вместе с тем, нельзя не видеть, что и о меньшевистском периоде плехановской деятельности Ленин не склонен был говорить в общем и целом, без различения сложности и зигзагообразности, неустойчивости как теоретических, так даже и политических его взглядов. Ленин указывал, что не всегда политические позиции Плеханова находились в разладе с марксистскими идейными установками: «...возможно ли было «формирование» русского марксизма без выяснения Бельтовым основ философского материализма и их значения для опровержения Лаврова и Михайловского? — ставил вопрос Ленин и отвечал: — Ответ на этот вопрос может быть только один...».²⁶ Это сказано о блестящем обосновании марксистской философии Плехановым в полемике с народниками, и ясно, что Ленин высоко оценивает не только теоретическое, но и политическое значение этой борьбы для русского революционного движения.

В более поздние годы, непримиримо разоблачая плехановский меньшевизм, Ленин находил дужным однако отмечать, что «Плеханов занимал особую позицию, много раз отходя от меньшевизма: 1) на съезде 1903 г. Плеханов боролся с оппортунизмом меньшевиков; 2) после съезда Плеханов редактировал №№46—51 «Искры», тоже против меньшевиков; 3) в 1904 г. Плеханов защищал аксельродовский план земской кампании таким образом, что обходил молчанием как раз главные ошибки его; 4) в 1905 г. Плеханов ушел от меньшевиков; 5) в 1906 г. после разгона I Думы Плеханов занял совсем не меньшевистскую позицию (...); 6) на Лондонском съезде 1907 г. — как рассказывает Череванин, Плеханов боролся с «организационным анархизмом» меньшевиков. Эти факты надо знать, чтобы понять, почему меньшевик Плеханов так долго и решительно боролся с ликвидаторством и разоблачал его».²⁷

Большое значение придавал В. И. Ленин страстной борьбе Плеханова с ликвидаторами за сохранение революционной

марксистской партии в тяжелые и мрачные годы реакции после поражения первой русской революции. Об этой борьбе Ленин говорил как о «большой заслуге Плеханова во время лихолетья (1909—1911 годы). Он воспевал подполье и решительно поддерживал партийные решения о борьбе с ликвидаторством, — говорил Ленин. — Он показывал оппортунизм ликвидаторов и воскрешение ими «экономизма» (буржуазное течение в марксизме в 1894—1902 годах). Он доказывал, что ликвидаторы, отрицая подполье, изменили партии. Он справедливо разъяснял, что «господин Потресов» равен Иуде и что без Иуды апостолы были сильнее, чем с ним.

Это были ясные, точные, цельные мысли, вполне проводившие решения 1908 и 1910 годов».²⁵

Естественно, указывая на эти заслуги, В. И. Ленин не закрывал глаза на фракционные «повороты», на антибольшевистские выпады Плеханова, на его заигрывания с либералами, в результате чего протаскивалось идейное влияние либеральной буржуазии на сознание определенной части пролетариата. Наконец, В. И. Ленин указывал на беспринципные призывы Плеханова к «единству» в партии, без определения условий единства и даже без четкого указания того, с кем допускалась возможность объединения. Поэтому, сблизившись с Плехановым в эти годы в борьбе за сохранение марксистской рабочей партии, Ленин не допускал ни малейших принципиальных уступок ему ни в организационных партийных вопросах, держа твердый курс на создание партии нового типа, ни идеологических уступок.

Со своей стороны, Плеханов и после объявления им решительной войны ликвидаторам оставался идейным противником большевиков, не упускал случая, чтобы, говоря его же словами, не разразиться против «жестоковейности» Ленина при всем меньшевистском «честном собрании басурманской разной бранью». Он оставался убежденным приверженцем меньшевизма и заявлял: «... от всей души готов кричать: «Да здравствует меньшевизм без ликвидаторства!» (XIX, 20).

По своему знаменательно то обстоятельство, что именно с этих пор В. И. Ленин не раз говорил о необходимости «пожалеть Плеханова». Действительно, Плеханов стал выглядеть жалким. Позже, с началом империалистической войны, когда он полностью предал марксизм, отошел от рабочего класса и слился с идеологами шовинистически настроенной русской буржуазии, Плеханов, бывший «родоначальник русского марксизма», «бывший социалист и революционер», был жалок в своей пошлости, а порой, особенно когда он унижался

до низкопробной клеветы на Ленина, способен был возбуждать презрение своей беспринципной политической низостью. Но в годы борьбы с ликвидаторством в политических метапизмах Плеханова многое было от трагических блужданий большого человеческого ума, запутавшегося в трудноразрешимых проблемах «лихолетья». Дело не только в искренности высказывавшихся им тогда убеждений, но и в том, что он находил в себе еще достаточно сил, нередко говорить языком революционера-марксиста. Правда, ему не удалось удержаться сколько-нибудь основательно на этих позициях. Плеханов обнаруживал вопиющую непоследовательность, и не только политическую, но даже логическую. Эти крайности и возбуждают сострадание к Плеханову, захваченному «трудным временем, не готовым к трудной борьбе».

Противоречивость и непоследовательность его утверждений бьют в глаза. Он громил ликвидаторов-меньшевиков за открытое предательство самой азбуки марксизма, за полный отход от революционной программы рабочего класса. Он публично заявлял о своем отказе «идти рука об руку с господами, от которых в большей или меньшей степени отдаст оппортунизмом» (XIX, 19), провозглашал, что «человек, для которого не существует наша партия, сам не существует для нашей партии» (XIX, 153), и на этом основании объявил главному предводителю ликвидаторства: «Я А. Потресову не товарищ» (XIX, 26). Обращаясь к другому главарю ликвидаторов, Л. Мартынову, он писал: «Вы ликвидатор. Наше ликвидаторство есть одна из разновидностей оппортунизма» (XIX, 261). Плеханов срывал маски с ликвидаторов и раскрывал скрытые замыслы их движения: «тот совершенно ясный и практический смысл, что прикрывало собою попытку внутрипартийного переворота, задуманного «ликвидаторами» (XIX, 335), с целью захвата руководства и подчинения ликвидаторам всей партии.

У Плеханова хватало еще честного мужества сказать меньшевикам: «У большевиков есть то несомненное преимущество, что они — революционеры» (XIX, 358) и объяснить этим обстоятельством свое сближение с Лениным. «Между мной и большевиками есть то общее, что мы стоим на точке зрения партии». Перефразируя слова Белинского, Плеханов высоко отзывался о выступлении Ленина против реакционной философии эмпириокритиков, о нежелании Ленина «сидеть за одним столом с «филистимлянами». «А ваша «непримиримая группа», — писал Плеханов вождям ликвидаторства, — составившая тесный круг с ликвидаторами революционных идей и

нашей партийной организации, показала, что вас тянет к столу «филистимлян» с такою же настоятельностью физиологической потребности, с какой утят тянет в воду» (XIX, 60—61).

В своих суждениях Плеханов исходил из убеждения, что «пролетариат есть важнейший двигатель нашего времени» (XIX, 45), и что всякий социал-демократ безнадежно гибнет во всех смыслах, покидая точку зрения пролетариата.

Даже по вопросам организационного строения партии в полемике с ликвидаторами Плеханову приходилось подчас высказывать и защищать мысли, которые он отстаивал вместе с Лениным еще тогда, когда твердо стоял на позициях марксизма и на II съезде РСДРП боролся против меньшевистских положений Мартова, обрекавших партию на идейный разброд, превращавших ее в дискуссионный клуб, мешавших партии стать сплоченной боевой и монолитной организацией, способной выполнить роль вождя и организатора революционных масс. «Мир внутри партии прекрасное дело, — заявлял он в 1910 г. — Но есть пределы и для миролюбия. За этими пределами миролюбие становится вредным для партии и потому достойным осуждения» (XIX, 280). Правда, и тут не трудно заметить, что логика Плеханова «хромает». Он ставит вопрос не об изгнании врагов партии из ее рядов, а рассуждает о некоем «осуждении», которого достойна их позиция. Это сказано туманно, и туманность у него тут не случайна. Однако Плеханов понимал, при всей своей шаткости: «невозможна партия там, где не уважается партийная дисциплина» (XIX, 444).

А рядом с этим? А рядом с этим жил и рассуждал уже четко определившийся филистер и софист, у которого не сводились концы с концами, который путал, постыдно играл словами, занимался словесной эквилибристикой.

Как только Ленин доводил организационный вопрос партии до естественного логического конца и указывал, что с врагами партии нелепо и вредно жить под одной крышей, что в интересах партии и революции освободиться в партии от всех антипартийных групп и элементов, Плеханов под видом миротворца переносил свой «гвалт» против ликвидаторов на Ленина. Вот один из красочных примеров, характеризующих беспринципность Плеханова в его сектантских наскоках на Ленина. В июне 1909 г. за антипартийную деятельность был исключен из партии по настоянию Ленина вождь русских «эмпириомонистов» и отзовистов А. А. Богданов (Максимов). Богданов на всех перекрестках стал шуметь о нетерпимости Ленина, о его склонности к «вышибаниям» и «устранениям», рассчитывая на сочувствие обывательской публики. Ленин с

удивлением отметил «тот оригинальный факт, что даже тов. Плеханов, враг всякого богостроительства, всякой «новой» философии, всякого отзовизма и ультиматизма и т. д., даже тов. Плеханов подал милостыньку христу ради, воспользовавшись хныканьем Максимова, и обозвал большевиков по этому случаю еще и еще раз «жестоковыми».¹⁹ Что при этом руководило Плехановым? Прежде всего, конечно, его фракционное ослепление. Но не одно оно, и даже, может быть, главное заключалось не в этом ослеплении. Более глубокий источник заключался в теоретическом и политическом оппортунизме, в непоследовательности и заблуждениях Плеханова.

Вериги соглашательских теорий II Интернационала, которые жалко влячил Плеханов, ограничивали пределы движения его мысли. Голос «старого Плеханова», Плеханова-марксиста мог лишь временами вырваться из-под тяжелого груза его оппортунистических взглядов, сложившихся в лоне социал-предательской идеологии. Один Плеханов утверждал: «ополчаться на защиту действительной партийности вместе с закадычными друзьями Потресовых, Маевских, Ежовых, Ст. Новичей и им подобных — это то же самое, что соединиться с лисицей для защиты курятника» (XIX, 341). В этом Плеханове горели искры революционного марксизма и сознание того, что не может быть партии, в которой бы объединились изменники революции с революционерами. Другой Плеханов, опондывший и окарикатуривавший марксизм, начинал выискивать аргументы, оправдывавшие соглашательство и примиренчество, никак не вязавшиеся с его же собственными утверждениями. Обычный прием, которым он пользовался здесь, мы уже видели: это отвлеченное доктринерство, разглагольствования об «общих истинах», а более всего, ссылки на Запад, откуда он охотнее всего заимствовал свои шаблоны. Смотрите, поучал он, как обстоит дело на «передовом» Западе. Там Амстердамский съезд II Интернационала «торжественно заявил, что в каждой стране должна быть только одна социал-демократическая партия, подобно тому, как есть в ней только один пролетариат» (XIX, 348). Хотя во всех решительно социал-демократических партиях Запады существуют ревизионисты, оппортунисты и реформисты и существуют марксисты, они уживаются между собой в одной организации. «В настоящее время в социал-демократической партии каждой западной страны есть два течения: марксистское и ревизионистское. Кое-где, — например, во Франции, — в большинстве оказываются ревизионисты, кое-где, — например, в Германии, — марксисты. Всегда и всюду между марксистами и ревизионистами

стами приходится немало столкновений. Но до последней степени редко и лишь там, где рабочее движение еще не очень сильно развито, — например, в Голландии и отчасти в Италии, — столкновения эти обостряются до того, что приводят к расколу. На Западе раскол — не хроническая болезнь, а лишь временное и редкое недомогание» (XIX, 438).

И опять у Плеханова ни слова о конкретном положении дел в партии, в рабочих организациях, о соотношении революционных сил в России. Он не задумывался о том, чтобы привести в соответствие с конкретными задачами революционной борьбы организационные формы и структуры партии. Ни единого слова нигде о том, что старые формы организации рабочего движения не оправдали себя и неприемлемы в изменившейся исторической обстановке. Мысль Плеханова настолько прикована к сложившимся догмам социал-демократии II Интернационала, что он не помышляет даже о необходимости сопоставить эти догмы с реальностью, и особенно с той исторической реальностью, которая возникла в центре революционного вулкана нового времени — в России, на его родине, в полосу репашающих классовых схваток, подготовки и победы социалистической революции.

5.

Мысль Плеханова путалась в отвлеченных туманностях, он оказался бессильным найти ясные и определенные ответы на социально-исторические вопросы революционного движения этой эпохи. Осветить правильной революционной теорией новую обстановку было не легкой и не простой задачей. Она оказалась по плечу только гению В. И. Ленина. Не только Плеханов, эволюционировавший в сторону от марксизма и от революционного движения, но даже многие до конца революционно мыслявшие и преданные делу социалистической революции деятели нередко путались, обнаруживали непоследовательность и ошибки в эти сложные годы.

Ленин указывал, что Плеханов «некогда умел писать ясно и давать ясные ответы», но когда в ходе первой русской революции ситуация изменилась, «он попал в такое положение, которое заставляет его бояться додумать до конца свои думы, бояться взглянуть прямо в лицо действительности».³⁰

Есть глубокая закономерность именно в том, что природа плехановского мирозерцания, все особенности его теоретических представлений в полной мере раскрылись в бурных революционных событиях, относящихся к эпохе революций в России.

И дело не в том, что он смотрел на эти события глазами марксиста какого-то прежнего («доленинского») этапа, хотя некоторые устаревшие в новых условиях положения, высказывавшиеся Марксом и Энгельсом применительно к обстоятельствам домонополистического капитализма, разумеется, оказались на его отдельных понятиях и сыграли определенную роль в его деятельности. И не в том дело, что он будто бы «вообще» не был марксистом, а выступал буржуазным интерпретатором Маркса, одним из его многочисленных фальсификаторов с позиций «буржуазной технической интеллигенции», как утверждали отдельные историки (М. Покровский, Э. Газданов и др).

Дело в том, что марксистские взгляды Плеханова, даже в самую лучшую пору его деятельности, в глубине своей имели уязвимые места, были методологически недостаточно совершенны и полноконны. Это и вышло наружу со всей силой тогда, когда настало время перейти от слов к делу, когда нельзя было ограничиваться отвлеченным теоретизированием и полемикой во имя доказательства научной неопровержимости материалистического понимания истории, а надлежало творчески применить теорию научного коммунизма к конкретным историческим ситуациям и практическим действиям.

Строго научное исследование не может поэтому обойтись без того, чтобы не выявить в теоретической позиции Плеханова, еще до перехода его в меньшевистский лагерь, элементы, отражавшие недоразвитость его метода мышления. Но удовлетворительно справиться с такой задачей можно лишь при том условии, если само исследование будет вооружено по-ленински гибкими диалектическими приемами научного анализа, позволяющими избегать спарханий из одной необоснованной крайности в другую.

О меньшевистском периоде деятельности Плеханова на первый взгляд можно было бы говорить прямолинейно только как о проявлениях сплошного оппортунизма, изображая дело таким образом, будто Плеханов занимался только противодействием марксизму. Меньшевистский оппортунизм, на точке зрения которого стоял Плеханов и который несовместим с марксистской революционной тактикой, стратегией, а в коренных вопросах — также и с марксистской революционной теорией, действительно, преобладал в его суждениях и действиях. И все-таки такой подход огульного отрицания был бы в научном смысле поверхностным, приблизительным и потому неудовлетворительным и неприемлемым.

Пример В. И. Ленина здесь, как и всюду, является образ-

цом более основательного и глубокого исследования, более всестороннего проникновения в противоречивость плехановских взглядов и идейных позиций, а не заведомо-утрированных и поверхностно-приблизительных оценок.

В самых резких своих полемических схватках с Плехановым, когда тот взял на себя позорную роль духовного «короля жалкого мурaveйника» меньшевиков, бескомпромиссно разоблачая его псевдо-марксистские схематические построения, Ленин не забывал отделять ошибочные, неприемлемые утверждения и положения в его работах от тех, которые не может и не должен игнорировать ни один марксист. Ленину и тогда были не свойственны никакие упрощения.

Плеханов и тогда оставался для Ленина «сильной личностью», хотя и запутавшейся в несостоятельных попытках найти какое-то примиряющее начало между революционным и реформистским крылом в социал-демократическом рабочем движении.

Не случайно, по свидетельству людей, близко знавших В. И. Ленина, он столь болезненно переживал политические колебания Плеханова, его заблуждения, его окончательное падение и полный духовный крах. Да и не одни эти побочные свидетельства. Сами работы Ленина, в которых подвергаются критике плехановские взгляды по тем или иным вопросам, говорят о том, что Ленин предпринимал все возможное, чтобы помочь Плеханову удержаться на почве марксизма, помочь ему разобраться в характере современных революционных процессов, правильно понять новую расстановку движущих сил революционно-демократического и социалистического движения в России. Чего стоят в этом смысле одни только указания В. И. Ленина в его письмах в «Правду» об отношении к Плеханову в тот роковой для него момент, когда он стал окончательно скатываться в болото социал-соглашательства! Сколько в них, рядом с суровой принципиальностью, щадящего сострадания и заботливой снисходительности в надежде на то, что заплутавшийся, сбившийся с дороги Плеханов найдет в себе силы удержаться от губительных для него шагов.

В одном из писем в июне 1914 г. Ленин советует редакции «Правды»: «Плеханову сказать: жаль, что свою большую заслугу борьбы с ликвидаторами во время развала, борьбы с махистами в разгар махизма, он компрометирует теперь проповедью, которой сам не может разъяснить: с кем же единство? С «Нашей Зарей»; с «Северной Рабочей Газетой» и на каких условиях?

... (С Плехановым не миновать борьбы, раз он поедз в иди-

отское дело, но его надо отделять от Левы и Марка, подчеркнув: были заслуги, но жаль, что опять закружил, завертелся)».³¹

В другой раз, тогда же, в конце июня 1914 г., он снова разъясняет, какую линию должна выдерживать «Правда», когда вопрос касается Плеханова: «По поводу Плеханова в его «Единстве» надо взять сразу такой тон, что крупный теоретик, с громадными заслугами в борьбе с оппортунизмом, Бернштейном, философами антимарксизма, — человек, ошибки коего в тактике 1903—1907 годов не помешали ему в лихолетье 1908—1912 гг. воспеть «подполье» и разоблачать его врагов и противников, теперь, к сожалению, опять оборачивает свою слабую сторону. Полная неясность его мысли вызвана, может быть, отчасти полной неосведомленностью его: а неясность в том, с кем он хочет единства, с народниками ли (см. «Современник», где его именем уже щеголяют гг. Гиммеры)? или с ликвидаторами «Нашей Зари» и г. Потресовым, — на каких же условиях? И, поставив эти вопросы, спокойно заявить: ясного ответа на эти естественные вопросы читатель вряд ли дождется. Ибо из литературы известно, что именно эти вопросы Плеханову неясны».³²

Но В. И. Ленин не ограничивался одними лишь указаниями на то, что у Плеханова имеются «огромные заслуги» перед марксизмом в прошлом и что нельзя поэтому относиться к нему пренебрежительно. Ленин глубоко раскрывал внутренние предпосылки, порождавшие как политические сдвиги Плеханова вправо, в сторону сближения его с либеральной буржуазией и ее идеологией, так и плехановские теоретические «грехи», несовместимые с марксизмом. Корнем всех этих злоключений Плеханова В. И. Ленин считал то, что Плеханов перенял у Маркса лишь умение давать оценку и теоретическое объяснение прошлому, но ему не доставало умения Маркса «творить будущее». «Неумение творить будущее», — вот то, что обрекало его на «банальные общие места», на применение избитых старых шаблонов в то время, как возникала потребность «дать конкретное указание», либо найти решение принципиально новых проблем, которых не мог предвидеть К. Маркс и которые надо было найти, творчески развивая «дух учения Маркса», сообразуясь с новыми обстоятельствами революционной борьбы пролетариата.

«Нам нужны не вспышки, а победоносная революция». «Пролетариату требуется гибкая тактика, позволяющая извлекать наибольшую пользу с наименьшими жертвами». «Реакция стремится изолировать нас. Мы должны стремиться изо-

лизовать реакцию». «Стены реакционной твердыни не падают от звона революционных фраз». Эти и подобные им «истины» неустанно твердил Плеханов, заботясь главным образом о том, чтобы «ущипнуть» Ленина. Верны ли эти его «истины»? В «общем виде» против них трудно что-либо возразить. Но по существу своему они были практически бесплодны. Плеханов забывал многократно повторявшуюся им самим мысль Гегеля, что отвлеченная истина не есть истина. Ленин справедливо говорил, что шумом и блеском фраз, составленных из общих положений, Плеханов стремится скрыть несостоятельность своих претензий на роль вождя и теоретика революции.

Вот что отвечал Ленин Плеханову, раскрывая внутреннюю природу его теоретической и тактической ограниченности, облеченную в покровы общих теоретических рассуждений: «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Это забывает, например, Плеханов, когда выдвигает уже не в первый раз и особенно подчеркивает тактику: «Реакция стремится изолировать нас. Мы должны стремиться изолировать реакцию». Это верное положение, но оно до смешного общо: оно относится одинаково и к России 1870 г., и к России 1906 года, и к России вообще, и к Африке, Америке, Китаю, Индии. Оно ничего не говорит и ничего не дает, ибо вся задача в определении того, что такое реакция, и с кем именно, как именно надо объединиться (или если не объединиться, то согласовать свои действия), чтобы изолировать реакцию. Плеханов боится дать конкретное указание, а на деле, на практике его тактика сводится... к избирательным картелям между социал-демократами и кадетами, к поддержке кадетов социал-демократией».³³ Плеханов не уяснил не только отдельных тактических действий. Он, как мы уже говорили, не понимал особенностей всего революционного движения в России на современном этапе, совершенно не принимал в расчет особого характера русской буржуазно-демократической революции и, по принятому им обыкновению, судил о ней по старым штампам представлений о классических образцах буржуазных революций на Западе. Меньшевики с Плехановым во главе не пошли дальше амстердамской резолюции II Интернационала и, ограничившись ее повторением при определении сущности начинавшейся первой русской революции, не умели «ничего сказать о русской буржуазии разных цветов, кроме повторения того, что говорят европейцы всех стран сто лет спустя после буржуазной революции».³⁴ Ленин указывал, что Плеханов оперировал затасканными словами о буржуазной демократии вообще, «совершенно забывая определять на основании русских данных, какой сте-

пенью демократизма, какой прочностью его и т. д. обладают те различные слои, которые теперь в России выступают в качестве буржуазной демократии».³⁵ Усвоенный Плехановым доктринарский склад мышления, не позволял ему возвыситься над буквой многих старых положений и резолюций. Плеханов приходил в панический ужас при виде несоответствия ленинских программных установок в руководстве революционным движением в России ранее общепринятым понятиям. «В России происходит буржуазная революция! Маркс признавал, что во главе этой революции стоит буржуазия! Ленин отходит от Маркса и возрождает бланкизм и народофильскую утопию о совершении социалистической революции, о захвате власти кучкой заговорщиков! и т. д., и т. п.» — вот что истинно и твердо утверждал Плеханов, обнаруживая при этом неспособность понять Ленина точно так же, как он не понимал существа того дела, о котором шла речь. Иногда Плеханов не гнушался и прямыми передержками, фальсификациями и с дальнейшим фракционным прицелом сознательно извращал точку зрения Ленина.

В. И. Ленин во всем был предельно точен и гениально ясен, касалось ли дело решения проблем, поставленных новым характером современных революций, или же такого частного вопроса, как источник плехановских теоретических и тактических плутаний. В статье «Пролетариат и его союзник в русской революции» (1906) Ленин разъяснял, что, конечно, в России происходит не социалистическая революция. Но ее нельзя считать и буржуазной революцией в старом смысле, так как буржуазия перестала быть революционной силой, она «не принадлежит к движущим силам современного революционного движения в России». «Там, где пролетариат выступает самостоятельно, буржуазия перестает быть революционным классом». Эти мысли, первоначально обоснованные В. И. Лениным, были настолько неопровержимы, что с ними вынужден был согласиться даже К. Каутский.³⁶ Ошибки Плеханова в определении исторической роли крестьянства в буржуазно-демократической революции (а эти его ошибки берут начало еще в его марксистских работах 80-х годов) мешали Плеханову выделить наиболее последовательную часть революционной демократии из общей массы буржуазной демократии, которая в ходе революционных событий быстро утрачивала свою революционность.

Конечно, русская революция 1905—1907 гг. была буржуазно-демократической революцией, но потому именно, что она являлась по преимуществу крестьянской. А это означало, во-

первых, что верхние слои буржуазии были заинтересованы не в победе революции, а в сделке со старым режимом, а во-вторых, если учесть, что Россия не имела сколько-нибудь развитого и сильного слоя мелкой городской буржуазии (игнорируя этот факт, Плеханов по аналогии с Западом все же твердил о «третьем сословии» в России), то в реальной обстановке, какой она сложилась в России, буржуазную революцию мог совершить только пролетариат в союзе с крестьянством. «Большевики утверждали и утверждают, что именно в эпоху буржуазно-демократической революции прочным и серьезным союзником пролетариата (вплоть до победы этой революции) может быть только крестьянство. Крестьянство есть тоже «буржуазная демократия», но совсем иного «цвета», чем кадеты или октябристы».³⁷ Плеханов затушевывал коренную, в условиях русского революционного движения, разницу между кадетско-оппозиционной и революционно-демократической буржуазией. Принижение революционной роли крестьянской демократии, недоверие к ней толкали Плеханова к заигрыванию с кадетами, игравшими роль открытых предателей революции. Политика заигрывания с ними, логика соглашения все больше и больше засасывала Плеханова в трясину оппортунизма и в итоге привела его к предательству интересов рабочего класса, к переходу в ряды идеологов социал-шовинистов, отстаивавших не за страх, а за совесть интересы буржуазии.

В. И. Ленин прозорливо замечал и указывал Плеханову на то, что тот стоял на наклонной плоскости еще в начале его сближения с кадетами на почве меньшевистской тактики. В 1906 г. в статье «Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии?» В. И. Ленин писал: «Большевики уже полтора года твердят, что ошибка меньшевиков — неумение выделять революционную буржуазную демократию из всей той буржуазной демократии, которая быстро теряет именно теперь свою революционность. Большевики уже полтора года твердят, что меньшевики, из смешной боязни «приблизиться» к эсерам, непомерно близятся к кадетам, недостаточно оценивая буржуазную демократию революционного цвета. Большевики твердят, что оппортунизм меньшевиков состоит в забвении коренных интересов демократии, а следовательно, и социализма, ибо реальные успехи его в эпоху буржуазной революции невозможны помимо успехов демократии — ради временных успехов либерализма, — в слепом преклонении перед мишурными триумфами земцев или кадетов.

Вот в чем ваш оппортунизм, товарищ Плеханов!»³⁸

Эти слова высказаны по определенному поводу. Этого нельзя упускать из виду. Но указанные Лениным тенденции и деятельности Плеханова и в его взглядах имели самые широкие для него последствия. Намечившаяся в годы первой русской революции пропасть между Плехановым и революционным лагерем разрасталась все больше и больше. Он отдалялся от демократии, революции и социализма и все теснее сближался с буржуазным либерализмом. Плеханов не видел, а лучше сказать и не хотел видеть, что болото оппортунизма все глубже засасывало его, пока, наконец, он вообще не сдал окончательно своих марксистских позиций и не сошелся с социал-предателями рабочего класса. Этот процесс перерождения захватывал все стороны его миросозерцания и затронул все идеологические области, которыми он занимался как теоретик.

Так случилось по иронии судьбы то, что термин «ортодоксальный марксист», который закрепился за Плехановым в годы борьбы с бернштейниадой, впоследствии стал означать пустую претензию потерявшего к себе доверие оракула. Плеханов, его приверженцы и почитатели пользовались преобразившейся «ортодоксией» Плеханова, как пирмой, за которой они укрывались в борьбе против Ленина и большевиков.

6.

Термин «ортодоксальный» применительно к марксизму вообще и к Плеханову, в особенности, возник, как известно, еще задолго до 20-х годов. И уже до Октябрьской революции понятие «ортодоксальный марксизм», как выражение идейных позиций Плеханова, существенно трансформировалось. По сути, под видом «ортодоксального марксизма» у Плеханова в конце XIX и самом начале XX века, а затем в годы меньшевизма выражались различные мировоззренческие установки.

«Ортодоксальным марксистом» Плеханов стал называться в конце прошлого века, когда разгорелась острая борьба между верными последователями учения К. Маркса и Ф. Энгельса, среди которых наиболее выдающееся место занимал Г. В. Плеханов, — с одной стороны, и ревизионистами марксизма — с другой (Э. Бернштейн, К. Шмидт, русские «легальные» марксисты во главе со Струве, «экономисты» и др.). Последние ставили своей целью отбросить и выхолостить в марксизме его революционное содержание, утвердить идею неизбежности капиталистического строя и подчинить идею вечности капитализма классовое движение пролетариата.

Свои атаки на марксистское учение и на революционное движение рабочего класса Э. Бернштейн, К. Шмидт и их сто-

рошники развернули по всему фронту. Они подвергали «критике» все стороны и все составные части учения Маркса: политическую экономию, философию, учение о социализме и, главное, идею диктатуры пролетариата и социалистической революции.

Э. Бернштейн утверждал, что в ходе капиталистического развития происходит не обострение противоречий между пролетариатом и буржуазией, а сближение их интересов. Он отвергал открытый Марксом закон роста обнищания рабочего класса при капитализме. Бернштейн заявлял, будто в конце своей жизни К. Маркс и Ф. Энгельс сами были вынуждены отказаться от ряда «односторонних» и «утрированных» формулировок, выдвинутых ими в «Манифесте Коммунистической партии».

Э. Бернштейн решительно отвергал положение Маркса и Энгельса о неизбежности перехода власти от буржуазии в руки рабочего класса. Со времени «Коммунистического манифеста», указывал Бернштейн, рабочий класс во многом изменился, он достиг значительного умственного развития, однако он все так же остается недостаточно развитым для того, чтобы взять власть над обществом, возглавить общество. И никому вообще не известно, по утверждению Э. Бернштейна, наступит ли когда-нибудь такая стадия умственного, политического, технического развития рабочего класса, когда он сумеет на практике осуществить задачу взятия власти, выдвинутую в «Манифесте Коммунистической партии». Отсюда следовал его панчумевший тезис о целях рабочего движения: «Движение — все, конечная цель — ничто». Конечная цель, т. е. социализм, это, по мнению Бернштейна, красивая, но недостижимая мечта, несбыточный идеал. Бернштейн призывал марксистов быть «реалистами». Если класс, писал он, «только энергично преследует ближайшие цели, то совершенно второстепенный вопрос, ставит ли он себе определенную конечную цель. Важно то, что его цели пронякнуты определенным принципом, выражающим более высокую ступень хозяйства и всей общественной жизни; что они проникнуты социальными взглядами, означающими в ходе развития культуры прогресс, высшую мораль и правовое устройство».³⁹

Это было неприкрытое обоснование контрреволюционного реформизма, и оно было принято на вооружение всеми тогдашними и последующими разновидностями оппортунизма в рядах международного пролетарского движения.

С особым старанием Э. Бернштейн и К. Шмидт нападали на философские основы учения Маркса и Энгельса.

Бернштейн пытался доказывать, будто материалистическое понимание истории в своем первоначальном виде сводило все многообразие идеологических форм исключительно лишь к «экономическому фактору». Он объявлял безосновательным утверждение о том, что общественное переустройство возможно осуществить путем коренных преобразований экономических отношений между классами и что для этого требуется уничтожить капиталистическую собственность на средства производства. «Но не надо забывать одного, — возражал Э. Бернштейн, — где дело идет о таких больших массах, как современные нации с их тысячелетним развитием, воспитанными привычками жизни, там нельзя ожидать быстрой перемены человеческой природы даже от крупных реформ собственности, так как экономические и владельческие отношения составляют только часть социальной обстановки, оказывающей влияние на человеческий характер».⁴⁰

Но если исторические события, развернувшиеся после опубликования «Манифеста Коммунистической партии», принудили самих Маркса и Энгельса отказаться от их первоначальных «резких, аподиктических формулировок» и признать впоследствии, что политические и идеологические силы способны самостоятельно воздействовать на ход исторической жизни, если они стали придавать материалистическому пониманию истории совершенно иной смысл, по сравнению с тем, который они имели в виду первоначально, то после Маркса и Энгельса теория исторического материализма обнаружила, по мнению Э. Бернштейна, свою несостоятельность окончательно. Он утверждал, что поэтому все искренние «ученики Маркса» отказались от материалистического понимания истории и только лицемерие отдельных из них не позволяет им признаться в несостоятельности исторического материализма открыто.

Так, исторический материализм исходил из убеждения, будто в новейшей истории «экономический фактор» действует с особой силой и играет роль, гораздо большую, чем когда-либо прежде. Бернштейн считает это положение очевидным заблуждением. В действительности, говорит он, «науки, искусства, большая часть социальных отношений зависят в настоящее время гораздо меньше от экономики, чем прежде. Или, во избежание недоразумения, скажем, что ныне достигнутое состояние экономического развития представляет идеологическим и особенно этическим факторам больше места для самостоятельной деятельности, чем это было прежде».⁴¹

Корнем всех теоретических заблуждений Маркса и его

последователей Э. Бернштейн считал то обстоятельство, что они восприняли от Гегеля диалектику как основной метод мышления. Однако Гегель понимал диалектику как саморазвитие понятия. Маркс видел неприемлемость подобного взгляда, но полагал достаточным перевернуть диалектику Гегеля «с головы на ноги», провозгласить диалектику отражением в сознании действительного мира, чтобы все стало на свои места при объяснении исторических процессов. Бернштейн заявил, что не так-то просто поставить диалектику Гегеля «на ноги». Он объявил решительную войну методу диалектического материализма. Попытки применить к изучению исторических явлений принципы диалектики и материализма Бернштейн называл «самообманом». Диалектический материализм бесполезен и бессмыслен в этой области, так как он исходит из принципа детерминизма. Но принцип материалистического детерминизма не применим к истории, так как исторические явления невозможно вывести из одних лишь экономических (материальных) причин. Сами же марксисты, по мнению Бернштейна, покидают почву эмпирически установленных фактов, начинают мыслить, подобно Гегелю, вопреки этим фактам, абстрактно, оказываются в тех же самых тисках «самовластия понятия».

Диалектика Гегеля, по словам Бернштейна, является «предательским элементом в марксистской доктрине». Гегель учил, например, что развитие совершается в процессе образования и разрешения противоречий. Исторический материализм, пользуясь этим заключением неоправданно противопоставляет пролетариат буржуазии, все «буржуазное» «пролетарскому» и приходит к выводу, будто пролетариат призван сокрушить капиталистический способ производства и что он в состоянии это сделать. Этот вывод Э. Бернштейн объявлял необоснованным, а материалистическое понимание истории, как философскую основу марксизма, «фальшивым учением». Этого учения способны придерживаться, по его заявлению, лишь «простоватые ученики Маркса» (Бернштейн прямо имел в виду Плеханова). Только для этих «простоватых» последователей Маркса «гегелевская диалектика представляет удобную почву». Нападая на диалектику и на исторический материализм, Бернштейн призывал возродить «дух великого кенигсбергского философа, критика чистого разума» (т. е. Канта). «Припадки бешенства, которые я вызвал этим у г. Плеханова, укрепили меня в убеждении, что социал-демократии нужен новый Кант, который бы направил оружие своей критики против устарелых взглядов, который доказал бы

в чем движущийся материализм есть величайшая и потому сбивающая с пути идеология,— доказал бы, что презрение к идеалу, признание материальных факторов всемогущими силами развития есть самообман, всегда признававшийся на деле теми, кто его проповедует»,— писал Бернштейн.⁴²

«Многочисленная, как звезды небесные, ватага» противников и критиков Маркса восторженно приветствовали выступления Э. Бернштейна и К. Шмидта и широко использовали для нападков на теорию Маркса и Энгельса. Впрочем, оружие Бернштейна и до сих пор находится в широком ходу у открытых и скрытых адвокатов буржуазии. В России ревизионизм Бернштейна приняли на вооружение «легальные марксисты» во главе с П. Струве и «экономисты». На Западе перед Бернштейном распаркивались вожжи и «теоретики» II Интернационала. Вся эта многочисленная и, надо сказать, многоликая толпа «критиков Маркса» составила единый фронт, выдвинув Э. Бернштейна на роль своего предводителя и вдохновителя.

Но Бернштейна отличала не только слава общепризнанного авторитета в рядах мирового ревизионизма, не только его бурная активность и «отвага» в борьбе с марксистской теорией. Если все другие представители антимарксистской критики атаковали учение Маркса и Энгельса с каких-либо отдельных сторон, то Бернштейн «пересматривал» его в целом, прежде всего сами основы этого учения. В то же время он старался придавать своей критике «гибкую» и «тонкую» манеру. Свои нападки на марксизм он представлял таким образом, будто бы они направлены не против существа учения Маркса, а против «догматического марксизма» в защиту марксизма «творческого». Он доказывал, что ход развития капитализма якобы не подтвердил многих положений и предсказаний Маркса, что современное капиталистическое общество стало иным по сравнению с тем, о котором писали Маркс и Энгельс, и что он якобы, отвергая «отжившие» стороны марксовой теории, «дополняет» и «развивает» ее применительно к новым историческим условиям.

Мода «критики» Маркса и видимость убедительности «выводов» Э. Бернштейна стали одной из причин того, что даже некоторые из революционных учеников Маркса (Ф. Меринг, П. Лафарг, В. Либкнехт и др.) далеко не сразу и не без помощи Плеханова обнаружили и по достоинству оценили громадную опасность, которую заключал в себе ревизионизм для рабочего движения и для научного мировоззрения пролетариата. К. Каутский, стоявший в то время во главе германской социал-демократической партии, на Штутгартском съезде

1898 г., хотя и отмежевываясь от «крайностей» Берштейна, но публично выразил ему благодарность за то, что он «заставил размышлять» социал-демократов.

Буржуазные идеологи подвигли на щит Берштейна и Шмидта, в прошлом близких к Марксу и Энгельсу, «как разумных и мужественных людей, которые поняли ложность социалистической теории и не побоялись ее отвергнуть».

Исключительная заслуга в разгроме «берштейниады» принадлежит Плеханову. Он подверг сокрушительной критике ревизионистские теории Берштейна, отстаивал и обосновывал учение Маркса и Энгельса. Это, разумеется, убедительно характеризует идейные позиции Плеханова, его роль и место в истории марксистского движения.

Правда, В. И. Ленин упрекал Плеханова еще в 90-е годы за его несколько запоздалые выступления против русских «ревизионистов», П. Струве, С. Булгакова, «экономистов». Из сибирской ссылки в письме к А. Потресову (2.IX.1898) Ленин выражал удивление, что Плеханов «не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантинства, предоставляя Струве, Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников».⁴³ В другом письме к тому же А. Потресову (27.VI.1899) Ленин заметил: «Не понимаю только одного, как мог Каменский (псевдоним Плеханова.— В. А.) оставить статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» против Энгельса!».⁴⁴ В России Ленин раньше и непримернее Плеханова выступил против «легальных марксистов» и других оппортунистов.

Это обстоятельство не раз использовалось позднее советскими авторами, как предлог для полупренебрежительного отношения к выступлениям Плеханова против ревизионизма и к его роли в этой борьбе. Это неоправданно само по себе и не отражает ленинской оценки значения идейной борьбы Плеханова с Э. Берштейном, К. Шмидтом и их сподвижниками.

Для Ленина эти работы были выдающимся событием в международном марксистском движении и выдающимся фактом в марксистской теоретической литературе. В статье «Марксизм и ревизионизм» (1908) В. И. Ленин писал: «Мы отметим только что единственным марксистом в международной социал-демократии, давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов».⁴⁵

Конечно, как и везде во взглядах Плеханова, в его полемике с ревизионизмом давали себя знать и слабые моменты, свойственные его собственным воззрениям. Справедливо указывается, что в своих спорах с К. Шмидтом и неокантинцами Плеханов допускал уступки агностицизму, высказывал некоторые очень неточные формулировки. Эти уступки агностицизму и ошибки были вскрыты Лениным. В споре с «легальными марксистами» и «экономистами» Плеханов обходил вопрос о социально-историческом своеобразии обстановки в России. У Плеханова имелся в его критике «ревизионизма», как нам думается, и еще один существенно важный недостаток. Этот недостаток заключался в том, что, отстаивая чистоту марксистской теории, он исходил почти исключительно из положений, выработанных и обоснованных Марксом и Энгельсом. Плеханов ограничивал свою задачу преимущественно «разъяснением» и обоснованием их взглядов. Он не занялся исследованием новых проблем теории в духе учения Маркса там, где этого требовали запросы жизни. Это во многом предопределяло характер позиции Плеханова и впоследствии способствовало его расхождению с Лениным.

Но если судить о работах Плеханова в защиту марксизма от международного ревизионизма не по тому, чего он не сумел сделать, а по тому, какую роль они сыграли в истории революционного движения и революционной теории, то надо признать, что в свое время они были событием большого исторического значения. Само по себе важно уже то обстоятельство, что Плеханов поднялся на защиту марксизма почти при всеобщей недооценке признанными вождями европейской социал-демократии той угрозы, какую заключало в себе распространение берштейнианства для революционного рабочего движения. Талантливо разъясняя и обосновывая неоспоримую истинность учения Маркса и Энгельса, он помог удерживать знамя революционного марксизма и отстоять его теоретическую основу — диалектический и исторический материализм.

В процессе борьбы с ревизионизмом Плеханов показал, как безмерно велико значение философских основ марксизма для всего мировоззрения борющегося пролетариата и для всей практической деятельности его партии, как пагубна всякая недооценка научного понимания законов истории.

Блестящие по своей форме, глубокие и богатые по содержанию статьи и выступления Плеханова против «ревизии» Маркса: «Очерки по истории материализма», «О мнимом кризисе марксизма», «Берштейн и материализм», «За что нам его

благодарить?», «Сант против Канта, или духовное завещание г. Бернштейна», «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса», «Материализм или кантианизм», «Еще раз материализм» и другие с неотразимой силой развеяли в прах пустые и напыщенные философские «теории» Бернштейна и К. Шмидта. В этих статьях вскрыта несостоятельность их попыток и тщетность усилий подорвать марксистскую теорию изнутри.

Плеханов разоблачил, с величайшей убедительностью и силой, дутые претензии Бернштейна на роль мыслителя и теоретического судьи Маркса. Проанализировав его псевдонаучные теоретизирования, он показал, что Бернштейн был «ограниченным человеком», «философским невеждой» (XI, 47). Эти характеристики не были личными выпадами Плеханова против Бернштейна. Они основывались на глубоком и доказательном разборе писаний Бернштейна. Со свойственной ему эрудицией Плеханов установил, что под видом «новых слов» в научной теории у Бернштейна скрывались перепевы старых мелодий буржуазных идеологов. Ничего своего Бернштейн не дал и ничего оригинального не сумел сказать. За «теоретические открытия», опровергающие якобы «доктрину Маркса», им выдавались идеи, заимствованные у буржуазных теоретиков и экономистов: Г. Шульце-Геверница, Л. Брентано, П. Барта, Л. Леруа-Болье и др. Бернштейн, подобно этим буржуазным противникам Маркса, извращал идеи Маркса. Бернштейн и все другие ревизионисты брали марксистскую теорию «в той искаженной форме, которая была ей придана буржуазными противниками, и затем с помощью заимствованных у этих противников аргументов они победоносно чинят свою «критику» (XI, 27).

Влияние Э. Бернштейна, как показал Плеханов, держалось не на доказательности его «критики», а на теоретической слабости деятелей международной социал-демократии, на их отходе от революционной борьбы. В этом крылись причины того, что «оппортунизм приобрел много сторонников в рядах социал-демократии разных стран». «Бернштейниада», — писал Плеханов, — очень страшна как признак возможного упадка» (XI, 64). Он предупреждал, что революционные социал-демократы «сделают непоправимую ошибку, если не примут своевременно решительных мер для борьбы с этой опасностью» (XI, 64).

Таким образом, Плеханов вел борьбу против Бернштейна и других разновидностей ревизионизма с позиций революционного марксизма. Не удивительно, что В. И. Ленин столь высоко

оценил плехановскую критику ревизионизма, подчеркивая, что она велась «с точки зрения последовательного диалектического материализма». Непримиемое отношение Плеханова к «ревизионизму» свидетельствует о том, что в эти годы Плеханов был врагом социал-реформизма и считал несовместимыми оппортунизм и марксизм. «Г. Бернштейн умер для школы Маркса», — заявлял он. Вопрос теперь стоит так: «кому кем быть похороненным: социал-демократии Бернштейном или Бернштейну социал-демократией» (XI, 35). В «ревизионизме» Бернштейна и других «критиков» Плеханов выявил закамуфлированную разновидность буржуазной идеологии. Плеханов показал, что за внешним фасадом «беспристрастной правды» и стремлением преодолеть «догматический марксизм» у Бернштейна скрывалось отступничество от марксизма. Бернштейнианство означало подмену марксизма как стройного и целостного революционного учения пролетариата «эклетической амальгамацией с учениями буржуазных экономистов» (XI, 27). Недаром в угоду классовым интересам буржуазии Бернштейн обосновывал идеи «социального мира» (XI, 30) и направлял свою «критику» прежде всего против «теории катастроф». Учению Маркса и Энгельса о социалистической революции и о диктатуре пролетариата, которое наводило ужас на буржуазию, он противопоставил свою теорию «затухания» классовых противоречий в эпоху развитого капитализма.

Современные адвокаты капитализма мало что нового добавляют к антимарксистской аргументации Э. Бернштейна в их идеологической войне против коммунистического движения. И поныне антикоммунизм переживает многие из «доводов» родоначальника международного ревизионизма, рассчитанных на оправдание и охрану капиталистического порядка вещей. Вот почему яркие и научно неопровержимые статьи Плеханова против «бернштейниады» сохраняют не только исторический интерес, но и в наше время являются действенным оружием в теоретическом обосновании марксизма.

Развенчивая заурядную политическую роль Бернштейна как прислужника буржуазии, Плеханов показал, что в основных вопросах Э. Бернштейн сходил с прямыми идеологами буржуазии, такими как П. Барт, Е. Дюринг, В. Зомбарт, М. Масарик и другие. Они по достоинству оценили «критическое» рвенie Бернштейна и всячески поднимали его на щит. Плеханов приводил примечательное высказывание одного из рядных «социалистоедов», буржуазного немецкого профессора Ю. Вольфа: «Важность его (Бернштейна. — В. А.) суждений не может быть переоценена, — писал Вольф. — Это удар кула-

ком в лицо современной социалистической теории, открытое объявление ей войны» (Цит. XI, 30).

Плеханов глубоко вскрыл классовую идеологическую природу выступлений Э. Бернштейна и К. Шмидта против материалистического понимания истории и диалектического материализма. Их вражда к диалектическому материализму находилась в прямой связи с социал-реформизмом. Еще К. Маркс указывал: «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее проходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна».⁴⁶ Точно так же и Плеханов раскрывал связь враждебного отношения Бернштейна к материализму и диалектике с его буржуазными идейными позициями. «Если г. Бернштейн отказался от материализма для того, чтобы не «угрожать» одному из «идеологических интересов» буржуазии, который называется религией, то его отказ от диалектики вызван был его нежеланием пугать ту же буржуазию «ужасами насильственной революции» (XI, 54). Для Плеханова был несомненным и буржуазный характер стремления вернуться «назад к Канту». «Буржуазия видит в учении Канта сильное «духовное оружие» в борьбе с крайними стремлениями рабочего класса. Поэтому-то кантианизм и сделался модным учением в среде образованных буржуа» (XI, 113). Не случайно, разъяснял Плеханов, и стремление Бернштейна «вернуться к Канту». Оно не является простой ошибкой философского ума, а было «естественным, неизбежным и ярким выражением его ...социально-политических тенденций» (XI, 50).

В работах, написанных против Э. Бернштейна, К. Шмидта, неокантианцев, П. Струве, «экономистов» и других оппортунистов, ревизионистов, буржуазных идейных врагов марксизма, Плеханов не ограничивался одним только выяснением несостоятельности или классового характера их нападок на марксистскую философскую и социально-политическую теорию. Поскольку эта теория извращалась и искажалась ими, он блестяще разъяснял и обосновывал ее. Работы Плеханова и до сих пор остаются порой еще непревзойденными образцами глубокого и талантливого изложения учения Маркса и Энгельса.

Плеханов одним из первых в этой связи основательно вы-

яснил также историческую связь и преемственность теоретических открытий Маркса и Энгельса со всем ходом предшествующего развития мировой теоретической мысли. Точнее сказать, он не столько указывал на связь марксистской и до-марксистской теории, — это хорошо было ясно и известно до Плеханова. — а методически четко и убедительно доказывал, с использованием богатейшего и разнообразнейшего научного материала, что лишь Марксу и Энгельсу удалось найти строго научные ответы на самые сложные и самые мучительные вопросы, которые волновали лучшие и наиболее сильные человеческие умы до них. В годы борьбы с ревизионизмом Плеханов считал, что учение Маркса и Энгельса во всех славящих его областях было не простым продолжением предшествующих теорий, а революционным переворотом в науке.

«Философия Маркса является логическим и неизбежным развитием философии Гегеля — вот что говорят нам часто те, кто трактует вопрос о происхождении современного социализма. Это верно, но это не все. Далеко не все. Маркс наследовал Гегелю, как Юпитер наследовал Сатурну, — низложив его с его трона. Появление материалистической философии Маркса — это подлинная революция, какую только знает история человеческой мысли».⁴⁷ Эти слова были произнесены Плехановым в 1898 г. Позднее, под влиянием собственных оппортунистических увлечений, он значительно отошел от этого взгляда и подчас начинал необоснованно сближать философию Маркса с его предшественниками, причем как раз именно в вопросах материализма и материалистической теории познания (со Спинозой, Фейербахом). В «Основных вопросах марксизма» он заявлял, например, уже, «что гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха или, если хотите, что она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки» (XVIII, 190—191). Однако справедливость требует признать, что и в поздний период своей деятельности Плеханов, хотя и оказывался непоследовательным в суждениях о соотношении марксизма с предшествующими философскими системами, но не переставал рассматривать марксизм как принципиально новую стадию развития мировой научной мысли. Он по-прежнему был глубоко убежден, что учение о социализме сумело возвыситься над идеалистическими утопиями только тогда, когда оно вооружилось диалектическим методом.

Отказавшись от материалистического понимания истории, которое основывается на применении метода диалектического

материализма, ревизионисты всех оттенков неизбежно тянули мысль вспять, возрождали различного рода утопии. Взгляды Э. Бернштейна были не исключением, а, в глазах Плеханова, убедительным подтверждением этого попятного движения мысли.

Очень примечательным с этой точки зрения представлялось Плеханову решение Бернштейном вопроса об отношении идеала к действительности. Для всей домарксовской философии этот вопрос оказывался непреодолимым камнем преткновения. Так или иначе идеалистическая и материалистическая философия строили свое представление об идеале, основываясь на соображении о том, что идеал противостоит действительности. Правда, материалисты новейшего времени пытались найти основу идеала в самой реальной жизни, но каким путем человечество способно осуществить переход от действительных обстоятельств жизни, где многое оказывается несовместимым с его представлением о жизни, какой она должна быть, к своему идеалу, не умели обосновать даже те предшественники Маркса, которые дальше всех ушли в своем философском развитии. Только Маркс и Энгельс до конца выяснили классовую природу идеала и только они и их последователи сумели найти мост, соединяющий идеал с действительностью, и устранить, таким образом, неразрешимое для всей предшествующей теории противоречие, в котором она неизбежно запутывалась. Э. Бернштейн возродил представление идеалистической метафизики, по которому между идеалом и действительностью лежит непролазная пропасть. По сути, для него идеал снова является в виде абсолютной противоположности по отношению к существующей действительности. Из этого заключения, он затем и приходит к обоснованию своей реформистской идеи о практической недостижимости и неосуществимости исторического идеала рабочего движения, выраженной пресловутой формулой: «движение — все, конечная цель — ничто».

Плеханов развенчал псевдонаучный характер ревизионистского понятия о соотношении социалистического идеала с исторической действительностью, показал, что этот взгляд Бернштейна и его приверженцев связан всеми нитями с их прислужнической ролью перед буржуазией в рабочем движении.

«Заведомо несбыточный идеал для нас не идеал, а просто безнравственные пустяки. Наш идеал, идеал революционной социал-демократии, это — действительность будущего» (XI, 259). Плеханов разъяснял, что величайшее значение материалистического понимания истории, разработанного Марксом и

Энгельсом и отстаиваемого их учениками состоит в том, что оно вывело не только теоретическое сознание, но и саму практическую деятельность передовых сил общества из лабиринта стихийных блужданий и утопических надежд, вооружило их твердым научным знанием реальных путей и средств, ведущих к осуществлению идеала трудовых народных масс. Сторонники научного социализма, — подчеркивал Плеханов, — «уверены в торжестве своего идеала не потому, что он кажется им великим и прекрасным, а потому, что осуществление этого идеала, — который они, конечно и несомненно, считают и великим и прекрасным и к которому они относятся с величайшим энтузиазмом, признаваемым даже их врагами, — потому, что осуществление этого идеала обуславливается и подготавливается, по их мнению, всем ходом внутреннего развития современного, т. е. капиталистического общества».⁴⁸

7.

Известно, что борьба революционных марксистов с ревизионизмом в конце прошлого и в начале нашего века носила чрезвычайно острый и напряженный характер. Она потребовала от верных учеников Маркса немало сил, энергии, таланта и умелого владения всем арсеналом наследия как основоположников научного коммунизма, так и богатством всей предшествующей марксизму и современной теоретической мысли, чтобы отстоять революционное научное мировоззрение рабочего класса, как главное идейное оружие трудящихся в их борьбе за освобождение от всякого социального угнетения и неравенства.

Г. В. Плеханов сыграл выдающуюся роль в разгроме международного ревизионизма конца прошлого и начала нынешнего века. Его теоретические выступления против бернштейнизма, неокантианства, «легального марксизма», «экономизма», а несколько позднее против эмпириомонизма, так называемых «религиозных исканий» в рабочем движении, и наконец, против ликвидаторства явились важной вехой в истории марксистского движения и сохраняют непреходящее значение и поныне. Еще раз заметим: современные антикоммунисты, враги марксизма не слишком далеко ушли от своих предшественников, «критиков» Маркса, с которыми воевал Плеханов. Они пользуются теми же приемами извращения и шельмования марксистской теории, и работы Плеханова, разъясняющие несокрушимую научную достоверность и стройность марксизма, сохраняют свою боевую действенную силу.

Решительные и непримиримые выступления Плеханова

против «критиков» Маркса снискали ему злобную неприязнь со стороны тех, кто тщетно пытался ниспровергнуть и отбросить учение Маркса и Энгельса, кто доказывал, будто марксизм устарел и отжил настолько, что его могут, по заявлению Э. Бернштейна, придерживаться лишь лицемерные «догматики» и «простаки». Бернштейн, К. Шмидт, П. Струве причисляли к разряду таких «догматиков» Плеханова. Это по отношению к нему они стали употреблять термин «ортодоксальный марксист» в том презрительном смысле, который должен был означать безнадежную отсталость от достижений новейшей «науки». На их языке под понятием «ортодоксальный марксист» имелось в виду, по замечанию Плеханова, «что Маркс и его «ортодоксальные» последователи заблуждались потому, что не были ослеплены благодатно так называемой критической философией, вносящей яркий свет в мирозерцание г. П. Струве и его «критических» единомышленников» (XI, 141).

Отвечая на нападки Э. Бернштейна, Плеханов с достойным глубоким уважением чувством гордости говорил о себе: «Мы очень дорожим теперь неприязнью г. Бернштейна и гордимся тем, что мы были одни из первых, **указавших** на отступничество г. Бернштейна и **заклеймивших** его» (XI, 61).

Надо со всей определенностью признать, что последующие политические срывы и полное падение Плеханова не могут перечеркнуть того несомненно обстоятельства, что первоначальная слава «ортодоксального марксиста» была завоевана Плехановым в этой напряженной и жестокой идейной борьбе с идейными врагами марксизма. Она не только не заключала в себе чего-либо необоснованно претенциозного, но действительно была законным признанием его выдающихся заслуг перед международной марксистской мыслью, перед всеми, кому были дороги идеи революционно-освободительного движения пролетариата, в момент, когда это движение находилось в серьезной опасности в связи с нахлынувшей мутной волной различных модных и влиятельных тогда течений «ревизионизма», тянувших научно-теоретическую мысль назад. Его борьба против народничества, против бернштейнианства, некаптанства, струвизма, «экономизма», «эмпириокритицизма», против поисков «новой», «социалистической» религии, — хотя и не была свободна вполне от известных теоретических и политических недостатков, — но представляла собою факт непреходящего исторического значения. Враги марксизма, вроде Э. Бернштейна или П. Струве, называя Плеханова «ортодоксом», стремились тем самым выразить свое пренебрежительное отношение к его «отсталости», ибо последнее слово в науке, по

их утверждениям, принадлежало не «ортодоксам», а тем, кто стоял «под знаком критики Маркса».

Плеханов с гордостью отвечал своим противникам из лагеря «ревизионизма», что он считает для себя честью отстаивать «ортодоксальный марксизм». И следует отдать ему должное: когда он воинственно отвергал ревизионистскую «критику» Маркса и Энгельса, которая пышно прикрывалась фразой о необходимости преодоления «догматического марксизма», когда он настойчиво провозглашал свою верность духу учения Маркса, Плеханов и в годы борьбы с Э. Бернштейном и впоследствии, уже будучи меньшевиком, занимал в теории, особенно в философии, позиции, придававшие его «ортодоксии» положительное марксистское содержание в самом лучшем значении этого понятия. «Мы обязаны бороться со всякими попытками теоретической фальсификации социализма», — заявил он в 1910 г. (XIX, 112). С этим положением согласится в общем виде и в наши дни всякий марксист-ленинец, так как марксизму-ленинизму всегда были, есть и будут неприемлемы любые чуждые идейные направления, которые нарушают научную стройность и единство его учения. В той мере, в какой Плеханов отстаивал идейную чистоту марксизма от его врагов, он делал важное и славное дело. Неверно не только игнорировать, но и недооценивать то обстоятельство, что Плеханов на протяжении многих лет успешно пропагандировал достойно отстаивал марксистскую теорию от яростных нападок ее многочисленных противников.

В том же 1910 г. Плеханов говорил о себе: «Мое мирозерцание остается неизменным с тех самых пор, как я сделался марксистом в начале 80-х годов прошлого века. Известно, что наши «критики Маркса» пришли на этом основании к заключению о моей полной неспособности идти вместе с ними вперед или, вернее, назад — так как отличительная черта «критиков Маркса», — не только русских, но и западно-европейских, — состоит в том, что они все пытаются «назад»: «назад Капту!», «назад к Лассалю!» и даже... назад к Шульце-Допичу и Прудону. Я горжусь тем, что у меня совершенно отсутствует склонность к такому движению».⁴⁹ Справедливость этих слов подтверждена множеством ярких и глубоких в своем теоретическом содержании произведений Плеханова, в которых учение Маркса отстаивалось и аргументировалось живо, убедительно, неотразимо. Именно в этом и заключалась основная заслуга Плеханова в области марксистской теории. Нежелание Плеханова «пятиться назад» от Маркса, когда предпринимались отчаянные и организованные попыт-

ки совершить «попытное движение», которое на практике означало идеологическое разоружение революционных сил современности, делает ему законную честь и он был вправе гордиться своей преданностью заветам своих великих учителей.

В. И. Ленин отдавал должную дань уважения этим заслугам Плеханова, решительно осуждая попытки провести старую и реакционный философский хлам под флагом критики тактического опортунизма Плеханова. И потому неудивительно, что Ленин, как в разгар полемических схваток с ним, так и после его смерти, считал необходимым отделять и высоко оценивать то лучшее, что в деятельности Плеханова и в его работах обуславливалось не его «слабой стороной», а теоретической стойкостью марксиста.

Более того, принимая во внимание не умиравший во взглядах Плеханова марксизм даже в период самых крайних его опортунистических завихрений, Ленин отмечал, что «Плеханов занимал особую позицию, много раз отходя от меньшевизма»,⁵⁰ а в критический момент разброда и поражения дошел и решительно боролся с ликвидаторством и разоблачал его.

Бывали минуты у самого Плеханова, когда он вопреки своей слепой готовности во вред большевикам кричать при любых обстоятельствах: «Да здравствует меньшевизм!», вынужден был открыто признаваться, что его марксистские установки в теории ничего общего не имеют с меньшевистскими фракционными устремлениями.

В горячих схватках с ликвидаторами Плеханов написал ряд статей, которые по своему пафосу, по мастерскому стилю блестящего бойца-полемиста приближаются к тем великодушным его статьям лучшей поры, когда он выступал против народников, против Бернштейна и других идейных врагов марксизма. Эти статьи, помещенные в «Дневнике социал-демократа» в 1910—1911 гг. убежденно и страстно разоблачали вождю меньшевиков-ликвидаторов (А. Потресова, А. Мартынова, Ф. Дана и др.). Ныне, конечно, они имеют преимущественно исторический интерес при изучении положения в социал-демократическом движении и в общественных брожениях после поражения революции 1905—1907 гг. Но при изучении Плеханова они представляют повышенный интерес, так как вводят в понимание существенных сторон его деятельности и самого его общественно-политического облика. Плеханов заслуженно и беспощадно громит ликвидаторов, убедившись, что они толкают революционное движение в пропасть. Плеханов не может не видеть, что к этому подводит их логика меньшевистской беспринципности и политического авантюризма меньше-

вистских главарей. Он гневно обрушивается на вождей ликвидаторства, но при этом ему приходится иногда с запоздалым раскаянием, а иногда и невольно сбрасывать маску со своей собственной уверливой меньшевистской «дипломатии» и сошмательской тактики, обнажать собственную позорную беспринципность и непоследовательность (это особенно резко бросается в глаза при сопоставлении описания в этих статьях событий, относящихся к расколу в партии после II съезда РСДРП, с описанием тех же событий в статьях, которые он писал в 1904—1905 гг., перекочевав к меньшевикам). Плехановские статьи 1910—1911 г. со всей очевидностью обнажают его крайнюю противоречивость и непоследовательность.

В статье «Об улыбке авгура», вынужденный силой неоторазимой логики самих жизненных обстоятельств отмежеваться от теоретических основ меньшевизма, которые подготовили почву для ликвидаторства, Плеханов, отвечая одному из предводителей ликвидаторов, Ф. И. Дану, заявил: «Если я что-нибудь сделал для русской социал-демократии, то я сделал это не как член той или иной фракции, или фракции, а как человек, выработавший себе определенный образ мыслей и очень настойчиво, — притом не без успеха, — старавшийся распространить его в России» (XIX, 386).

В этих его словах заключена значительная доля бесспорной истины. Действительно, положительная роль, которую он сыграл в развитии русской теоретической мысли и в марксистском движении ни в какой мере не обязана тому, что он выступал как «член меньшевистской фракции».

Но, с другой стороны, здесь явственно всплывает на поверхность и другое. Плеханов упрекал меньшевистских лидеров в том, что они, говоря его же словами, «позабывали бездельницу; развитие революционной мысли» (XIX, 386). К сожалению это не в бровь, а в глаз самому Плеханову. Неправильная беда его как раз и состояла в том, что «выработанный им образ мыслей» заключал в себе зародыши, притом далеко не малозначительные, — которые тянули его, если не «назад от Маркса», то к «окаменелости взглядов», к застою мысли, увлекали его самого на путь догматического отношения к букве некоторых высказываний Маркса и Энгельса тогда, когда следовало «идти вперед». А это, в конце концов, и обрекало Плеханова на породнение с теми, кто сопротивлялся «развитию революционной мысли», т. е., в частности, и с предводителями тех же ликвидаторов.

Следовательно, когда Плеханов с гордостью декларировал неизменность «образа своих мыслей», начиная с 80-х годов и

до последнего времени, он обнаруживал не одно лишь то, что составляло его силу, но и то, в чем заключались недостатки его идейно-теоретических позиций, послужившие причинами пережитой им в конце жизни катастрофы.

Стойкость Плеханова в защите учения Маркса делала подлинную честь ему, но она имела свои определенные пределы и сохраняла действительность лишь до тех пор, пока речь шла о признании и истолковании основных философских положений этого учения, относящихся к совершившимся процессам истории. А как только доходило до следующего шага в «развитии революционной мысли», а также до осмысления непредвиденных ранее исторических перспектив, Плеханов начинал «кружиться», отделяться повторением банальных «общих истин», «оборачивать свою слабую сторону».

Ущербные моменты его «образа мыслей» приводили к тому, что он, словно под действием злой насмешки истории, кончал тем, в чем некогда справедливо обвинял врагов революционного марксизма. Так, шумную войну с ликвидаторами он закончил призывами к миру и объединению с ними. Разоблачая Э. Бернштейна, он указывал, что Бернштейн приспосабливал тактику рабочего движения к тому, «чтобы как-нибудь не напугать демократическую буржуазию» (XI, 317), не запугать либералов. А в период революции и после нее Плеханов сам стал призывать лавировать вокруг либеральной буржуазии, поскольку, де, «мы не должны без надобности пугать тех, которые в данное время могут быть полезны нам» (XIII, 178), и продолжая лавировать, докатился до того, что в годы империалистической войны начал проповедовать «струвизм».

Случайно ли все это и можно ли отнести это только к незадачливой политической тактике и стратегии Плеханова? Сейчас уже вряд ли кому придет в голову считать это случайностью или же пытаться объяснять посредством отделения плехановской теории от тактики. В 20-е годы обычным и широко признанным явлением было такое упрощенное понимание противоречий Плеханова.

Его тактика и теория не разделены между собою китайской стеной. В тактике находили отражение ущербные установки и пороки его теории, и, с другой стороны, на теоретические представления Плеханова воздействовали его оппортунистические политические взгляды. Это отлично видел и разъяснял В. И. Ленин еще при жизни самого Плеханова. Ленин подмечал, как «из мелких фракционных интересов» Плеханов доходил «до защиты теоретического ревизионизма при помощи самых недостойных софизмов». ⁵¹ И потому-то именно В. И. Ле-

нин, очень высоко ценивший заслуги Плеханова перед марксистской теорией, отзывался о нем как о «якобы строгом хранителе ортодоксии». ⁵²

Есть в конспекте книги Ф. Лассалья «Философия Гераклита Темного из Эфеса» у В. И. Ленина замечание об особенности, отличавшей Ф. Лассалья как мыслителя. В этой связи Ленин сравнивал Лассалья с Марксом. У Маркса, говорит Ленин, «**тма нового и интересует его только движение вперед от Гегеля и от Фейербаха дальше от идеалистической диалектики к материалистической**», ⁵³ Лассаль же не двигался вперед.

Не было бы ничего нелепее и примитивнее попытки поставить Плеханова в один ряд с Лассалем. У Плеханова тоже много нового. Но то новое, что дает он, держится в плоскости расширения сферы применения тех решений, которые он находит у своих предшественников, разумеется, прежде всего у Маркса и Энгельса. Однако с известной оговоркой сказанное Лениным можно отнести и к Плеханову: ему тоже явно недоставало той самой устремленности **вперед**, которая отличала Маркса и которая была свойственна Ленину.

Теоретическая ограниченность, свойственная Плеханову и приводившая его к хроническому отставанию от запросов времени, мешала не только самому ему как следует разобраться в смысле происшедших при нем революционных сдвигов в исторической жизни, но, еще раз подчеркиваем, не позволила понять великий исторический смысл того нового, что вносил в революционную теорию и практику В. И. Ленин.

Как только он замечал у Ленин какое-либо несоответствие с тем, что ему представлялось капоном в теории марксизма, он начинал шум, пытаясь обвинять Ленина в отходе от Маркса, принимался доказывать, что Ленин и большевики «не знают, как взяться за тот революционный рычаг, с помощью которого можно повернуть всю русскую землю» (XV, 144).

В одной из своих речей на Стокгольмском съезде РСДРП в 1906 г. Плеханов говорил: «мы с Лениным, с одной стороны, очень близки, а с другой — далеки друг от друга. Ленин говорит: «Мы должны доводить дело революции до конца». Так. Но вопрос в том, кто из нас доведет до конца это дело? Я утверждаю, что не он» (XV, 74).

Указания Плеханова на то, как нужно взяться за «революционный рычаг», чтобы довести дело революционной борьбы до победного конца, были пустыми фразами. Пророка «будущего» из него не получилось, да и не могло получиться: Плеханов не умел «творить будущее».

История жестоко посмеялась над его попытками играть роль оракула.